

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи, Линейкинымъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатилѣтней службы перебивалъ я во многихъ гимназіяхъ этого края, — сначала въ должности младшаго учителя нѣмецкаго языка и ариметики, потомъ — старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послѣднюю должность, со дня опредѣленія къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназіи. Какъ инспекторъ гимназіи, я былъ обязанъ слѣдить за образомъ мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнѣ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мѣра эта, которой пользу я испыталъ на опытѣ, навела меня на мысль разширить кругъ моего инспекторскаго контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназіи, и авторитетъ моей инспекторской должности облегчили мнѣ это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я снялъ копии и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатипятилѣтіе и еще одно пятилѣтіе, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мѣста, распрощался я съ татаровскою гимназіею и со службою. Очевидно, что, послѣ этого, хранившаяся у меня въ копіяхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было рѣшился сжечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ во мнѣ родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сценѣ многіе изъ прежнихъ дѣятелей остались, но какое различіе въ началахъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ ихъ дѣятельности! Въ послѣднее время моей службы, я самъ не узнавалъ себя: дотога, по долгу служебной исполнительности, усвоилъ себѣ принципы. Ревностью къ пресвѣщенію отличался мы всегда; но какимъ образомъ столь внезапно успѣли проникнуться чувствомъ собственного достоинства и въ равной мѣрѣ чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда вдругъ явились у насъ эта утонченная гуманность воспитательныхъ мѣръ, это глубокое знаніе таинствъ педагогій и такое обиліе системъ улучшеннаго преподаванія? Собственнымъ ушамъ не вѣришь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорилъ о выправкѣ и маршировкѣ, какъ о надежнѣйшихъ средствахъ здоровой педагогій, теперь твердитъ о превосходствѣ непринужденнаго умственнаго труда. Собственнымъ глазамъ не вѣришь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ, какъ величайшую учебную контрабанду, пестрые брюки, теперь и усовѣ не замѣчаетъ. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что извѣстные дѣятели, отличившіеся особенною изобрѣтательностью на поприщѣ старой педагогій, и на поприщѣ новой обнаружили такой же духъ изобрѣтательности на поприщѣ старой педагогій. Какъ удачно разсуждали они прежде, напримѣръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно разсуждаютъ теперь о суетѣ ея. И при перемѣнѣ точки зрѣнія, привилегія природной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ рѣчь. Къ-удивленію моему, чтеніе хранившихся у меня въ копіяхъ писемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятнаго чувства, которое производило прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мірѣ сплетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, разставшись съ тѣломъ, равнодушно, говорятъ, смотритъ на свое тѣло, такъ я, вышедши въ отставку, сталъ равнодушно смотрѣть на всѣ гимназій въ мірѣ. Что прежде, въ письмахъ моихъ сослуживцевъ, возбуждало во мнѣ зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ вліяніемъ отставки съ пансіономъ, показалось не болѣе какъ безобиднымъ образчикомъ здѣшнихъ гимназическихъ нравовъ, и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію извѣстныхъ. Теперь уже нѣтъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мѣрѣ измѣнили свое обращеніе съ учениками; отношенія членовъ педагогическаго совѣта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетскихъ испытаній за-

мѣненъ новымъ; положеніе господъ учителей во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось; измѣнились даже отношенія общества къ учебнымъ заведеніямъ края. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — рѣшился напечатать. Картина учебной жизни, которую представляетъ »переписка«, какъ картина прошедшаго, и безъ-того не имѣетъ никакого обличительнаго значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіеся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ живыхъ, то есть обрѣтавшихся и обрѣтающихся *in rerum natura*. Для этого, настоящія фамиліи, упоминаемыя въ письмахъ, я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ, до малѣйшаго слѣда, всѣ нескромныя черты, прямо указывавшія на отдѣльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищетъ въ »перепискѣ« никакихъ намековъ, никакихъ извѣтовъ на отдѣльныя лица, пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ. По моему мнѣнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную отвѣтственность кого бы то ни было общую принадлежность мѣста и времени. Когда холера въ воздухѣ всякій легко можетъ сдѣлаться ея жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться всѣмъ, и первому мнѣ многрѣшному, бывшему татаровскому инспектору! Господи, аще бо назриши прегрѣшенія, кто постоитъ? Да не подумаетъ кто нибудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относящихся. Какъ несправедливо было бы такое предположеніе, доказательствомъ служить, что всѣ мѣста, въ которыхъ не слишкомъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторѣ, то есть обо мнѣ и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталъ. Уничтоживъ въ издаваемой мною перепискѣ все непріятное для самолюбія или скромности отдѣльныхъ лицъ, я расположилъ письма въ хронологическомъ порядкѣ и въ выноскахъ дополнилъ необходимыми поясненіями.

Бывшій инспекторъ татаровской гимназіи, Иванъ Линейкинъ.

№ 1. Отъ надзирателя татаровской гимназiи, Тропаревиза, къ секретарю крюкэславской духовной консисторiи.

Ваше высокоблагородіе,

милостивый государь и благодѣтель,

Оома Петровичъ!

Священнымъ долгомъ считаю увѣдомить васъ, что послѣ всѣхъ испытанныхъ мною тревоженій, достигъ я наконецъ мирной пристани подъ кровомъ татаровской гимназiи въ званіи надзирателя ⁽¹⁾. Рекомендаціонное письмо ваше къ господину директору премного къ тому способствовало и, такъ сказать, открыло мнѣ путь моего поприща. Да наградить васъ за то Всевышній!

Представъ со страхомъ предъ особою господина директора, я доложилъ ему о моемъ пребываніи въ семинаріи до риторики включительно. Въ отвѣтъ на сіе ихъ высокородіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ нотномъ пѣніи. Часть эта достаточно мнѣ извѣстна, и я, не обинуясь дерзнулъ увѣрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высокородіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить къ исправленію надзирательской должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всѣхъ насъ надзирателей при татаровской гимназiи семь человекъ. Пять блюдутъ за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольнопри-

(1) Какъ добросовѣстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотѣ и подлинности, на сколько это было согласно съ требованіями скромности. Однако, что касается правописанія, то я предпочелъ сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ слѣдствіе этого, во многихъ письмахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохранилъ и всѣхъ тѣхъ орфографическихъ тонкостей, которыхъ сущность заключается въ выраженіи большей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертаны названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримѣръ, въ письмахъ надзирателя Михайлова) переданы здѣсь безъ всякаго измѣненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противорѣчатъ господствующимъ въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти—фактъ, *un fait accompli*, и слѣдовательно, въ нашъ безпристрастный вѣкъ, имѣютъ свой авторитетъ даже для науки.

ходящими. Мнѣ воспослѣдовало назначеніе въ общія квартиры (¹). Квартиры сіи именуются общими по совокупности пребыванія въ нихъ учениковъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрѣнію начальства. Разумѣется, возможна въ семъ и нѣкая экономія, паче же, по внушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здѣсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мнѣ, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Дежури́мъ мы чредою, каждый не болѣе четырехъ разъ въ седмицу.

Переписка есть и здѣсь, только умѣренная: двѣ книги для записыванія штрафовъ, одна—для успѣховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посѣтителей, одна для особыхъ происшествій и, кромѣ того, ежедневно составляется краткое извлеченіе изъ всѣхъ книгъ и при рапортѣ подается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемѣсячно 16 рублей 33 копейки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ пищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависитъ отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ пріемлетъ особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

Что касается добротныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

(¹) Общія квартиры были открыты здѣсь въ 1810 году, въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1836 года. Всѣ воспитанники извѣстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартирѣ: исключенія допускались рѣдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержаніе обходилось дешевле. Поэтому плата за содержанія въ общей квартирѣ была самая умѣренная. Всѣ расходы по общей квартирѣ (не исключая и жалованія надзирателямъ и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дѣтей. Не смотря однако на свои ограниченныя средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и вѣшняго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего инспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназій представляли образецъ чистоты, порядка и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже великолѣпія. Мы гордились тѣмъ, что изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособія, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособіямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартиръ въ блестящемъ видѣ, который сдѣлалъ бы честь и заведенію, располагающему значительными штатными суммами.

благостыни, то, по недавности моего здѣсь пребыванія, въ точности еще не знаю. Слыхалъ, однако, что сослуживецъ мой, надзиратель Кондаковскій, имѣеть нѣкіе источники, изъ коихъ главный заключается въ отдачѣ ученикамъ денегъ въ ростъ. Въ случаѣ несостоятельности должниковъ, займы взыскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредѣленіи моемъ имѣлось въ виду и нѣкое пѣніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповѣданія, господинъ директоръ еще не успѣлъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ коихъ многіе и сами не чужды нѣкому искусству, басъ мой былъ бы, на клиросѣ гимназической церкви, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гласъ вопіющаго въ пустыни.

Мѣстечко Татаровка на видъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстечекъ нашей губерніи: такое же множество Іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здѣшняя превосходитъ все извѣстное по губерніи въ этомъ родѣ.

По случаю, мнѣ достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика честь имѣю вашему высокоблагородію почтительнѣйше представить. Не отвергните, достопочтеннѣйшій благодѣтель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

№ 2. Отъ надзирателя татаровской гимназій, Цаповскаго, къ столонагальнику крѣкославскаго губернскаго правленія.

Честъ имѣю рекомендоваться вамъ, любезнѣйшій Артемій Спиридоновичъ: надзиратель за вольноприходящими учениками татаровской гимназій, Амфилохій Аввакумовичъ Цаповскій. Пусть не думаетъ твой господинъ совѣтникъ, выжившій меня, по наущенію жидковъ, изъ крѣкославскаго городского магистрата, что всѣ мѣста въ губерніи завнесять отъ губернскаго правленія. На зло господину совѣтнику и всѣмъ врагамъ моимъ, я, послѣ трехмѣсячной безмездной переписки бумагъ въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ мѣсто надзирателя гимназій, по предписанію господина управляющаго округомъ отъ 17-го сентябрю сего года за № 9,999.

Изъ дѣлъ губернскаго правленія тебѣ извѣстно особое положеніе сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

зиратели при учебныхъ заведеніяхъ назначаются предпочтительно такіа лица, которыя, по своей служебной опытности, могли бы имѣть бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилѣ Аммосовичу, первому докѣ крюкославскаго губернскаго правленія, поучиться бы у господина директора. Приятно служить у такого начальника: можешь спать покойно, въ полной увѣренности, что никакая въ мірѣ бумажка не захватитъ тебя врасплохъ. Похваюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ довѣріемъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіе закупки съѣстныхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общей сложности, однако, я не въ убыткѣ. Бываютъ также и экстренные случаи, не говоря уже о пестромъ платьи, чубукахъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумѣется, для всякаго желательнаго монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надзору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотѣ и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромѣ непріятностей, не жди ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можетъ состояться и гимназія; но, сколько я понимаю это дѣло, присмотрѣвшись къ гимназіи на мѣстѣ, въ учительскомъ штатѣ возможны значительныя сокращенія. Довольно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не нравятся мнѣ въ учителяхъ ихъ азартныя манеры. Иной, вбѣжавши изъ класса въ инспекторскую, броситъ передъ тобою на столъ классный журналъ, такъ что столъ задрожитъ. Не могу однако пожаловаться на учителей нѣмецкихъ: эти ужъ, видно, отъ природы расположены ко всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по русски, однакожъ требованія высшаго начальства смекаютъ не хуже нашего брата, стараго служаки. Право, въ нихъ гораздо больше настоящей преданности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Спиридоновичъ; кланяйся крюкославскому городовому магистрату и пожелай ему отъ меня, чтобы онъ про-

валился, вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ совѣтникомъ, который болѣе вѣрить жидамъ, чѣмъ благородному офицеру.

№ 3. Отъ надзирателя татаровской гимназiи, Михайлова, къ его женѣ.

Дражайшая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увѣдомляю тебя, что, по теперешнему моему званію и офицерскому чину, получилъ я мѣсто надзирателя въ татаровской гимназiи, крjоко-славской губерніи. Должность моя смотрѣть за мальчишками, чтобы не портили казенной небели и не пачкали книгъ, а болѣе же по гардеробной части, на счетъ сапогъ. Еще обучаю я здѣшнихъ школьниковъ пѣшей выправкѣ и маршировкѣ: теперь вся ихняя гимназiя прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недѣлѣ великаго поста пріѣзжалъ къ намъ начальникъ: кто говоритъ—казенный инспекторъ, а кто—визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше ученіе съ танцованіемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ пріѣздомъ своимъ ко мнѣ ты, мать моя, повремени. Здѣшнія учительскія и надзирательскія жены говорятъ на языкахъ и наряжаются, какъ помѣщицы. Гимназическая попадья и та въ шляпкѣ подъ зонтикомъ. Тебѣ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, по строгости здѣшняго начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворѣ свиней не терпятъ. Я самъ одной перешибъ полѣномъ ноги; кажись, писмоводительской.

Просилъ я тебя не называться и не писаться прежнимъ нашимъ прозваніемъ — Сопляковой, а теперешнимъ — Михайловой. Забыла развѣ, что когда на смотру фельдфебель первой роты при всѣхъ ляпнулъ свою фамилію, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужицкихъ прозваній и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебѣ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидишь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тѣмъ не въ-примѣръ дешевле.

№ 4. *Отъ ученика татаровской гимназiи къ бывшему ученику той же гимназiи.*

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукою директора изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежнему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положенiи, по милости директорской отмѣтки: *поведенiя былъ добропорядочнаго*. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоёмъ. Казалось, близокъ былъ конецъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ испытанiй; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанiя; но не такъ было угодно судьбѣ. Скажи, какъ принять тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надзиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простятъ мнѣ боги, что упоминаю ея имя рядомъ съ именемъ негодая) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханiй нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цаповскiй посѣщалъ нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенiю, утащилъ одесскiй чубукъ Стаса и прекрасный кисетъ Больца, вышитый ручками его божественной Марисы. Больца не было въ квартирѣ; мы знали, что онъ дорожитъ кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цаповскому, вмѣсто кисета, девять золотыхъ, то есть все, что имѣлось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскiй сыгралъ недавно отличную штуку съ Филиппомъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бѣдняжкѣ Митѣ не далась географiя. Не желая оставаться на третiй годъ въ третьемъ классѣ, за незнанiе водяныхъ коммуникацiй, задумалъ Миша уволиться изъ гимназiи и поступить въ аптекарскiе ученики. Но и для этого необходимо представить свидѣтельство объ удовлетворительномъ знанiи предметовъ третьяго класса, слѣдовательно необходимо было держать экзаменъ и получить переводный шаръ изъ географiи. Настало время годичныхъ испытанiй; Филиппъ Потаповичъ, по обыкновенiю, развѣсилъ у себя на заборѣ, вмѣстѣ съ сунувшимся бѣльемъ, разныя географическiя карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотѣлось Мишѣ выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Въ день экзамена изъ географiи, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филиппу Потаповичу отправилъ нѣсколькихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы они, подѣ

видомъ переговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долѣе. Встрѣтивши Филиппа Потаповича въ корридорѣ, Миша извѣстилъ его о своемъ намѣреніи поступить въ аптекарскіе ученики, показалъ свое прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, помѣченное рукою директора, просилъ снисходительно экзаменовать его и въ заключеніе сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мѣдныхъ пятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидѣтеляхъ повѣрять содержаніе свертка: онъ спряталъ пятакъ въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдѣ уже поджидали его председатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здѣсь не удалось ему пересчитать деньги, что, по своей примѣрной на этотъ счетъ аккуратности, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы дѣло происходило съ глазу на глазъ. Кончился экзаменъ, Миша получилъ переводной шаръ, а Филиппъ Потаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготовленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебѣ печальную новость: Петя попалъ въ число директорскихъ любимцевъ и уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловку нашего директора — звать къ себѣ ученика, поить чаемъ, кормить конфетами, ласкать, а между тѣмъ искусно вывѣдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорскимъ шпиономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покраснѣлъ, отвернулся и сквозь слезы отвѣчалъ: «со временемъ узнаете». Упрекнула ль его совѣсть, или оскорбился онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо принятися за дозубриваніе положеннаго числа страницъ. Право, какъ подумаешь, что иные изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классѣ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвѣтами предъ другимъ начальствомъ....

№ 5. Отъ бывшаго ученика татаровской гимназіи къ его товарищамъ.

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всѣхъ васъ за память и участіе. Правда твоя: *добропорядочное поведеніе* закрыло мнѣ много путей, но не закрыло всѣхъ; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы кскати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честью — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдатъ. Вотъ какъ это случилось.

Когда безъ спроса и вѣдома моихъ родителей, мнѣ приказали уволиться изъ гимназій, то я, чтобы не попасть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ нанялъ балагулу ⁽¹⁾ и отправился домой. Ты знаешь моего отца, поэтому догадаешься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому. Какія ни придумывалъ оправданія, чтобы представить отцу дѣло въ самомъ выгодномъ для меня свѣтѣ, какъ ни подбиралъ патетическія фразы, а все казалось мнѣ, что не обойдется безъ расправы. Увидѣвъ меня, старикъ строго спросилъ: зачѣмъ я пріѣхалъ домой въ учебное время. Поклонившись отцу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназій за то, что безъ позволенія инспектора пошелъ въ костелъ; разумѣется, о столкновеніи моемъ въ костелъ съ надзирателемъ Цапковскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwsze posłuszeństwo, łajdaku, jak nabożeństwo« (повиновеніе, негодай, важнѣе набожности), отвѣтилъ старикъ и уже снялъ со стѣны нагайку, какъ явились въ комнату моя мать и нашъ приходскій священникъ, ксендзъ Галуха. Разсказы мои, подтвержденные свидѣтельствомъ матери, которая, во время пріѣздовъ своихъ въ Татаровку, имѣла случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небылицъ о строгости татаровскаго директора, и нѣсколько сентенцій въ пользу набожности ксендза Галухи, спасли меня отъ родительскаго жезла. »Видно, не умѣютъ теперь васъ стѣчь въ школы и придумали выгонять«, сказалъ старикъ и повѣсилъ нагайку на ея мѣсто, между одностовольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояніе моего отца заключается въ дворянской родословной, которой подлинности не успѣли опровергнуть и строжайшія розысканія современныхъ критиковъ; поэтому мнѣ необходимо было подумать о службѣ, какъ единственномъ для меня кускѣ хлѣба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здѣсь самому не хотѣлось бы: оставалось одно, ѣхать въ корпусную квартиру и опредѣлиться въ полкъ. И здѣсь однако чуть не помѣшало мнѣ *добропорядочное поведеніе*, отмѣченное въ моемъ гимназическомъ свидѣтельствѣ крупнымъ директорскимъ почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотрѣвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимназій не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведеніемъ? Тебѣ извѣстно, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ

⁽¹⁾ Балагулами называются въ Западныхъ губерніяхъ Евреи, промышляющіе извозомъ.

всѣ подобныя мнѣ гимназическіе отверженцы. »За куреніе папироски, полковникъ«, сказалъ я. Почтенный ветеранъ улыбнулся. »Въ такомъ случаѣ, надѣюсь«, замѣтилъ онъ, »что въ военной службѣ, гдѣ курить позволено, поведеніе ваше будетъ безупречно«, и меня опредѣлили.

Военная служба и кругъ людей, въ который я попалъ, пришлось мнѣ по душѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ выгнанныхъ изъ магистрата надзирателей и другихъ высшаго разбора согладатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкѣ военной молодежи, я въ три мѣсяца успѣлъ въ русскомъ языкѣ болѣе, нежели въ теченіи всего гимназическаго курса. Но, говорятъ, впечатлѣнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что для насъ съ воспоминаніемъ о школѣ соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надѣюсь однако, что время и добрыя силы незлопамятной юности скоро изгладятъ въ душѣ моей непріятныя образы надзирателей и директоровъ, приучающихъ насъ къ подличанью и шпіонству. Уже и теперь я, кажется, встрѣтилъ бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безответныя жертвы татаровской дисциплины, какъ и мы несчастные, встрѣтилъ бы съ радостью. Воспоминаніе же о васъ, друзья мои, и о той, дорогомъ имя которой ты упомянулъ въ своемъ письмѣ, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохраняю на всю жизнь. Прощай, дорогой другъ; обними крѣпко всѣхъ товарищей. Пиши-те ко мнѣ, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Колнаковскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Розатовскому.*

Исполняя твое желаніе, любезный сосѣдъ, спѣшу какъ можно подробно разсказать тебѣ о всѣхъ обстоятельствахъ опредѣленія сыновей моихъ въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный моимъ опытомъ, зналъ, какъ лучше поступить и тебѣ, при опредѣленіи своего дитяти.

Само собою разумѣется, что въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе дѣтей въ учебное заведеніе, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ нашемъ домашнемъ совѣтѣ положено было ѣхать съ дѣтьми въ Татаровку не только мнѣ, но и женѣ моей. Жену, вмѣстѣ съ паномъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и дѣтьми, отправилъ я въ особомъ экипажѣ; самъ же выѣхалъ послѣ и догналъ ихъ въ Кривомъ-Рогѣ, сдѣлавъ на моихъ гнѣдыхъ болѣе 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы

у Тренбовича, въ Романсовкѣ, и на другой день благополучно прѣхали въ Татаровку, гдѣ, выдержавъ неизбѣжный натискъ мишуресовъ ⁽¹⁾, остановились въ постояломъ домѣ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроившись, а главное—защитивъ себя отъ напора разныхъ разнощиковъ, пригласили мы къ себѣ ветхозавѣтную чету, Янкеля и его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназiи и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавѣтная чета наставляла намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокомѣріи татаровскаго директора, о строгости пріемныхъ испытаній и о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются родителямъ въ выборѣ для дѣтей квартиры. Предметъ этотъ, повидимому, очень близко интересовалъ Янкеля и его Сору, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ разлчныя черты татаровской дисциплины. Едва успѣлъ Янкель разсказать намъ одинъ случай, рисующій нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала разсказывать другой, по ея мнѣнію, болѣе поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Янкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событіи, которое обоимъ казалось особенно замѣчательнымъ, тогда голоса ихъ сливались, и они вмѣстѣ воспѣвали одно и то же: точь въ точь италіянскіе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценѣ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показавъ Янкелю кошелекъ и спросилъ его, не улаживаются ли здѣсь дѣла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленію моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовѣряя разсказамъ Янкеля и его Соры, отправился я, за полученіемъ свѣдѣній о гимназiи, къ извѣстному въ нашемъ уѣздѣ фортепьянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназiи татаровскую модистку. То, что услышали мы здѣсь, еще болѣе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манерѣ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ неприятныхъ объясненій съ директоромъ, моя добрая Юзя вызвалась взять на себя первую аудіенцію, въ томъ предположеніи, что для ней, какъ для дамы, татаровскій директоръ будетъ вѣжливѣе и уступчивѣе. Но увы! только напрасно моя бѣдная барыня провела лишній часъ за своимъ туалетомъ. Представъ себѣ: этотъ камчадалъ, татаровскій директоръ, вы-

(1) Мишуресь — Еврей, исполняющій въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

шелъ къ моей Юзѣ въ какомъ-то бекешѣ и, не обращая вниманія на ея вѣжливости, не давши ей кончить комплимента, съ которымъ она обратилась къ нему, сухо спросилъ: «что вамъ угодно», и затѣмъ узнавши, что дѣло состоитъ въ опредѣленіи нашихъ дѣтей въ гимназію, сказалъ: «подайте прошеніе; экзаменъ въ 3 часовъ»; повернулся и ушелъ. Чортъ ихъ знаетъ, у кого эти люди учились учтивости и съ кѣмъ они живутъ! Юзя моя, обиженная пріемомъ директора, страшно его бранила, панъ Цибовичъ ей вторилъ, дѣти слушали, я молчалъ. Но вѣдь какъ ни разсуждай, а гимназіи теперь не обойдешь.... За полтинникъ мнѣ написали гдѣ-то прошеніе о принятіи моихъ дѣтей въ гимназію, и я рѣшился повести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ собою и Цибовича. Когда дѣтей экзаменовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціоннаго зала и издали могли видѣть только испуганныя фізіономіи Яся и Стася, отвѣтовъ же ихъ не слышали. Оказалось, что дѣти, которыхъ Цибовичъ взялся приготовить въ третій классъ, могли, по своимъ познаніямъ, поступить только въ первый. Я бы не повѣрилъ этому, если бы меня увѣряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Божія, ксендзь Пушайло, сказалъ то же самое. Между тѣмъ Цибовичъ старался убѣдить Юзю, что всему виною одно русское произношеніе, которымъ будто бы въ отвѣтахъ моихъ дѣтей остался недоволенъ директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ превратномъ смыслѣ отвѣты моихъ дѣтей изъ географіи и ариметики. Боюсь однако, не надулъ ли меня самъ Цибовичъ: здѣшніе учителя узнали его и сказали мнѣ, что, года четыре тому назадъ, онъ, по неспособности къ учению, уволился изъ третьяго класса татаровской гимназіи. Если это дѣйствительно такъ, то, разумѣется, поступивъ въ гувернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Обманщикъ! а когда поступалъ ко мнѣ, то говорилъ, что знаетъ гимназическую программу, со всѣми ея правилами, исключеніями, толкованіями и дополненіями, какъ своихъ пять пальцевъ. Такъ-то нашего брата, помѣщика, всякій надуваетъ!

Сколько я ни увѣрялъ директора и господъ учителей, что дѣти мои прекрасно приготовлены, что только по робости могли сбиться въ отвѣтахъ, сколько ни упрасивалъ членовъ педагогическаго совѣта — принять моихъ дѣтей, если не въ третій, то по крайней мѣрѣ во второй классъ (въ который дѣйствительно и намѣренъ былъ опредѣлить ихъ; въ третій же запросилъ для вѣрнѣйшаго пріема во второй); но всѣ просьбы мои были напрасны. Наконецъ, умолялъ, чтобы хотя старшаго сына, щадя

его самолюбіе и сердце матери, приняли во второй; но и въ этомъ не успѣлъ: оба поступили въ первый.

Послѣ преній о классѣ, перешли (уже въ директорской квартирѣ и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на квартирѣ. Я намѣренъ былъ помѣстить ихъ у госпожи Чубацкой. Дочь этой почтенной дамы говоритъ по французски; зять отчасти тоже говорить по французски и кромѣ того играетъ на скрипкѣ; сынъ отлично танцуетъ. Мнѣ очень понравилось соединеніе столькихъ талантовъ въ одномъ семействѣ, и я, чтобы не потерять случая помѣстить дѣтей моихъ на квартирѣ съ такими воспитательными преимуществами, очень охотно согласился дать госпожѣ Чубацкой, въ счетъ платы за содержаніе моихъ дѣтей, 50 рублей задатку. Но директоръ и слушать не хотѣлъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на вольной квартирѣ и требовалъ, чтобы ихъ помѣстить въ такъ называемыя казармы, или общія квартиры. Полагаю, нѣтъ нужды рассказывать тебѣ, что это такое—общія квартиры: всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ заключается вся сила этого милаго учрежденія. Напрасно выставлялъ я директору нѣжный возрастъ моихъ дѣтей, привычку жить въ семьѣ, напрасно умолялъ, горячился, наскучалъ, напрасно самъ просилъ и подсылалъ другихъ просить за меня; онъ былъ неумолимъ. Каменное сердце! Если бы я на свои глаза не видѣлъ, какъ десятки другихъ отцовъ возились съ нимъ тоже безъ всякаго успѣха, то подумалъ бы, что бѣсъ этотъ не расположенъ только лично ко мнѣ. Три дня осаждалъ я татаровскаго директора: ловилъ его дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ гимназій, въ церкви, все не теряя надежды уломать его какъ нибудь; наконецъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и согласился помѣстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началѣ нашихъ переговоровъ, восхваляя дешевизну содержанія въ общей квартирѣ и выставяя эту дешевизну, какъ одно изъ преимуществъ, директоръ сказалъ мнѣ, что за содержаніе въ общей квартирѣ обоихъ моихъ сыновей, въ первомъ полугодіи, слѣдуетъ заплатить только 120 рублей; но когда дошло дѣло до расплаты, то вдругъ прибавилось еще 80 рублей на какое-то первоначальное обзаведеніе; затѣмъ, при сдачѣ бѣлья и платья, обраковали, подъ предлогомъ неформеннаго вида, почти весь гардеробъ моихъ дѣтей, и обракованныя вещи надо было перевести на звонкую монету; наконецъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, нѣчто и натурою, именно серебрянную ложку, ножъ, вилку и 20 аршинъ какого-то салфеточнаго холста. Всѣ эти сдѣлки облечены въ законную форму, и, въ полученіи отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

дать мнѣ формальныя квитанціи. Покончивъ съ директоромъ, я завернулъ въ общія квартиры, чтобы увидѣть будущее помѣщеніе моихъ дѣтей. Здѣсь ожидали меня новыя, уже частныя сдѣлки и новые расходы. Надзиратель совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, для сугубѣйшаго повторенія уроковъ, договорилъ особаго репетитора; особый репетиторъ намекалъ, что, для вѣщаго надзора за моими дѣтьми, не мѣшало бы мнѣ пригласить особаго надзирателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бѣлье и платье особому попеченію гардеробщика; гардеробщикъ отсылалъ, для особыхъ переговоровъ о чаѣ, къ буфетчику; буфетчикъ во всемъ ссылался на инспектора. Когда я уладилъ все это, то оказалось, что дешевое помѣщеніе въ 120 рублей на бумагѣ, обошлось мнѣ на дѣлѣ въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, пропалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мнѣ застать дома старуху Чубацкую, которая на отрѣзъ сказала, что задатка не возвратитъ, потому что издержалась на заготовленіе необходимой для моихъ дѣтей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе моихъ татаровскихъ похожденій, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго сѣзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я выѣхалъ изъ Татаровки, у меня въ душѣ и въ карманѣ было такъ пусто, какъ послѣ пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосѣдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можешь принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующія замѣчанія.

1-го. Когда повезешь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собою жены, — по крайней мѣрѣ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь я могъ замѣтить, видъ прекраснаго пола еще болѣе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ скорѣе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-го. Не входи съ татаровскими жителями въ необдуманныя сдѣлки и никому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-го. Отправляясь къ татаровскому директору, сними съ себя всѣ туалетныя украшенія: часы, перстни, брелоки, булавки, пуговицы; надѣнь старые сапоги и старое пальто, словомъ нарядись бѣднякомъ; бѣдняковъ, какъ я узналъ, они освобождаютъ отъ помѣщенія дѣтей въ общей квартирѣ. Только предупреждаю тебя, что обмануть этого чорта, татаровскаго директора, чрезвычайно трудно: у него вездѣ свои шпіоны. При выдачѣ квитанціи, онъ шутя сказалъ мнѣ, копѣйка въ копѣйку,

сколько я привезъ съ собою денегъ и какою монетою, также пересказалъ слово въ слово, какъ бранила его моя Юзя.

4-to. Отправляясь въ Татаровку, потуже набивай бумажникъ. Тамъ всякій своимъ манеромъ умѣетъ заставить нашего брата заплатить дань воспитанію.

№ 7. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Рогатовскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Колпаковскому.*

По совѣту твоему, любезный сосѣдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку; Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежескоцкаго, потому что, какъ справедливо замѣтила моя Кася, въ Татаровкѣ привезенный мною домашній учитель могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бѣдняка, роль котораго я намѣренъ былъ, по твоему совѣту, разыграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмѣ, но и въ декораціяхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на парѣ фоль-верковыхъ лошадей. Въ Татаровкѣ, подъѣзжая къ постоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держитъ въ рукѣ простой мужицкій кнутъ, а не тотъ трехъ-аршинный бичъ, которымъ такъ мастераки владѣтъ, замахнулся и хотѣлъ хлопнуть; но слабый звукъ кнутика, не соразмѣрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудилъ хохотъ и бѣдкія замѣчанія въ толпѣ мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе пезвращнаго шарабана, мало обѣщавшаго поживы для хозяина постоялаго дома и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надѣлъ я на себя самое старое изъ моихъ пальто и тотчасъ же отправился къ директору. У воротъ директорской квартиры, сквозь рѣшетчатый заборъ, замѣтилъ я выбѣжавшую изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену черноморскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ея пылали, глаза сверкали гнѣвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развѣвался на подобіе флага, шляпка подавалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летѣла она, крича: »piechotą pójdę do Petersburga! piechotą pójdę do Petersburga!» (пѣшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрѣтившись съ нею въ калиткѣ, я посторонился и подалъ ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вѣжливость,

промчалась мимо меня, прокричавъ еще разъ »piechota pójde do Petersburga!« Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тѣ же слова: »piechota pójde do Petersburga!«, произнесенныя громкимъ мужскимъ басомъ, вновь раздались въ директорскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на оныя директорскихъ индюковъ. Я оглянулся и увидѣлъ огромную фигуру нашего сосѣда Цимбалинскаго. Лице его побагровѣло отъ гнѣва; извѣстная тебѣ малиновая шапочка, надѣтая на бекрень, отчаянно подалась къ лѣвому уху; славутская бурка, вѣроятно, второпяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надѣта на выворотъ, то есть, красною подкладкою наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидѣлъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагами и повторяя тотъ же кликъ: »piechota dójde do Petersburga!« онъ пронесся, вслѣдъ за Раскидальской, тоже не замѣтивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый обѣтъ Роскидальской и Цимбалинскаго — пѣшкомъ свершить столь дальнѣй путь, обѣтъ, возвыщенный всенародно и притомъ тотчасъ по выходѣ отъ директора, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ какихъ либо неприятностей съ директоромъ, и что поэтому и этотъ послѣдній можетъ находиться теперь въ раздражительномъ состояніи духа, я отложилъ мой визитъ до болѣе благоприятнаго времени и поспѣшилъ догнать Цимбалинскаго. Исправивъ превратный видъ своей бурки, онъ велъ уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причиной ихъ волненія были дѣйствительно неудачи по части воспитанія. Раскидальская просила директора позволить ея сыну квартировать у ея родственницы, Щунальской, а Цимбалинскій просилъ позволить его эконому помѣстить своего сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ. Директоръ отказалъ и той, и другому, находя, что для удовлетворенія просьбы Раскидальской не довольно достаточна степень родства, а для удовлетворенія просьбы Цимбалинскаго, не довольно достаточна степень бѣдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, дѣйствительно бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ экономъ небогатаго помѣщика, но нечистый духъ хвастовства подстрекнулъ Цимбалинскаго явиться предъ бюлустителемъ татаровскаго просвѣщенія въ роли мецената и хлопотать за своего эконома. Увидѣвъ такую важную персону, разумѣется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключилъ, что персона эта изволитъ безпokoиться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; поэтому не только отказалъ помѣстить эконома сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ, но, какъ искусный негоціантъ въ торгахъ это-

го рода, еще потребовалъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ самый дорогой разрядъ общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалинскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницѣ Роскидальской, вѣроятно, посоветоваться на счетъ своего путешествія въ Петербургъ, я встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ узналъ моего стараго знакомаго, чиновника крюкославскаго городского магистрата, Цаповскаго, сочинявшаго и переписывавшаго мнѣ въ Крюкославѣ разнаго рода дѣловыя бумажки. Я очень удивился, увидѣвъ его въ синемъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвѣщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадѣ, я и на костюмъ Цаповскаго сначала смотрѣлъ съ маскарадной точки зрѣнія; но онъ увѣрилъ меня, что костюмъ этотъ составляетъ дѣйствительную принадлежность его официальной роли—надзирателя за вольноприходящими при татаровской гимназій. Тогда я пригласилъ его къ себѣ и, представивъ ему несомнѣнные доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посоветовать, какимъ бы образомъ избѣгнуть мнѣ помѣщенія дѣтей моихъ въ общей ученической квартирѣ. По совѣту и при содѣйствіи Цаповскаго, я взялъ отъ уѣзднаго врача свидѣтельство о болѣзненномъ тѣлосложеніи моего сына, именно такомъ тѣлосложеніи, которое требуетъ особаго діетическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затѣмъ послалъ къ нашему уѣздному предводителю за свидѣтельствомъ о моемъ близкомъ родствѣ съ какимъ-то майромъ, у котораго Цаповскій договорилъ для моего сына квартиру, и наконецъ оба эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартированія въ общей квартирѣ, послалъ по эстафетѣ, на имя нашего всеобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнымъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій увѣдомилъ меня, что на прошеніе мое вскорѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція; но что, для окончательнаго успѣха моего дѣла, мнѣ необходимо расположить въ мою пользу и Татаровскаго директора, которому для формы предложить сказать свое мнѣніе по этому дѣлу. По совѣту того же благодѣтеля Цаповскаго, я отправился къ директору тотчасъ послѣ одного изъ моментовъ, опредѣленныхъ у него для пріема пищи (въ это время, по замѣчанію подчиненныхъ, онъ сговорчивѣе), выразилъ ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодѣлнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ нашего времени; изъявилъ сожалѣніе мое о томъ, что по болѣзненному тѣлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспитательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввѣренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложилъ позволить мнѣ внести, въ пользу этого благотѣльнаго учрежденія, сумму, положенную за годичное содержаніе ученика, и наконецъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мои, изложенные въ прошеніи, посланномъ по эстафетѣ, заслуживаютъ уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мнѣ же пожертвованныя мною деньги были записаны въ кассовую книгу прихода. Въ послѣдствіи Цапковскій, за стаканомъ пунша, объяснилъ мнѣ, что изъ суммъ подобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дѣйствительное содержаніе дѣтей, при соблюденіи всевозможной экономіи въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концѣ учебнаго года, совершенно легальнымъ образомъ переписывается изъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распределяется по карманамъ благоразумныхъ составителей экономическихъ суммъ и всѣхъ пріемлющихъ о томъ попеченіе. Вещь, какъ изволишь видѣть, организована очень прилично.

И такъ, любезный сосѣдъ, какъ говоритъ ксендзъ Галуха, *est modus in rebus*. При пособіи одной лжи, засвидѣтельствованной медикомъ, и другой — предводителемъ дворянства, мнѣ удалось обдѣлать мои дѣла усѣшнѣе твоего. Противъ моихъ аргументовъ не устоялъ и самъ татаровскій директоръ.

Въ заключеніе, позволь и мнѣ, любезный сосѣдъ, окончить письмо мое, въ видѣ совѣта тебѣ на будущее время, слѣдующимъ замѣчаніемъ: самая лучшая гарантія отъ всѣхъ золъ и напастей — это листъ чистой гербовой бумаги, съ приличнымъ приложеніемъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОСТИ ВЪ РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИЗНИ,

(по поводу смерти Шевченка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человѣчества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей *народной* жизни. Славяне восточные, или точнѣе—Славяне великорусскіе, довольно разработавъ прошедшее своей жизни, порываются установить свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностей въ воззрѣніяхъ этого рода, мы тѣмъ не менѣе, признаёмъ, что въ основаніи этихъ воззрѣній лежитъ начало справедливое. Безъ сомнѣнія, быть замкнутымъ въ своей жизни и отрицать постороннія *разумныя* вліянія не значить дѣйствовать ко благу своей народности: народность не исключаетъ усвоенія извнѣ того, что необходимо для ея развитія, точно такъ же, какъ, напримѣръ, то или другое растеніе, самобытное въ своей жизни, не исключаетъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для его развитія. Каждый народъ имѣетъ право усвоить себѣ *лучшее* у другихъ народовъ на столько, на сколько оно дѣйствительно есть лучшее *для него*. Онъ не теряетъ въ этомъ случаѣ своей самобытности, потому что въ выборѣ для себя того или другого изъ внѣшнихъ вліяній онъ самъ господинъ себѣ, а не внѣшнія вліянія располагаютъ имъ по своему произволу. Безусловное подчиненіе — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народныхъ стремленій разныхъ народовъ не только славянскихъ, но и неславянскихъ, могъ ли быть равнодушнымъ къ этимъ стремленіямъ народъ южнорусскій, имѣющій свою исторію, говорящій своимъ языкомъ, не смѣшавшійся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ славянскихъ, но сохранившій свою самобытную жизнь, и съ свѣтлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благопріятныхъ для

развитія условіяхъ своего существованія, — не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратилъ вниманіе на свою *внутреннюю* жизнь, сталъ выикать въ свое прошлое, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей *народной* жизни. Плодомъ этихъ стремленій было появленіе украинской литературы, еще весьма юной, но уже успѣвшей обратить на себя вниманіе не однихъ Малороссовъ.... И во главѣ этого-то современнаго литературнаго движенія стоялъ одинъ изъ отличныхъ сыновъ народа—Шевченко!... Нѣтъ надобности говорить, чѣмъ онъ былъ для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ немъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ какимъ-то мифическимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняешь свою голову.... Шевченко успѣлъ сдѣлать то, къ чему былъ призванъ: онъ доказалъ собою, что стремленіе народа южнорусскаго къ своенародной жизни — не мечта, какъ казалось и нашимъ маловѣрамъ, и другимъ невѣрамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личность, какъ Шевченко, не погибнетъ въ круговоротѣ исторіи, не совершивъ своего назначенія.... Послѣ Шевченка наша народность имѣетъ законное право на свое существованіе.

Но если, подобно другимъ народамъ, народъ южнорусскій имѣетъ право развивать свою народную жизнь вообще: то можетъ ли онъ быть народнымъ и въ жизни *религіозной* въ частности? Безъ сомнѣнія, религія христіанская — одна истинная религія для всѣхъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежитъ вмѣстѣ съ другими, и народъ южнорусскій, сохраняетъ догматы религіи христіанской во всей чистотѣ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть *народнымъ* и въ своей православно-христіанской жизни—*безъ противорѣчія* какъ догматамъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значеніи народности въ жизни религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ вполне нашего вниманія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементъ жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замѣчаютъ и не Малороссы тамъ, гдѣ сталкивается онъ съ другимъ народомъ. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонѣ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочетъ ли онъ, чтобъ и религія принимала участіе въ важномъ для него дѣлѣ народной жизни? Стараясь рѣшить этотъ вопросъ—вопросъ объ участіи народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое *мнѣніе*, не считая его обязатель-

нымъ для чьей бы то ни было совѣсти: ученые и строгіе догматисты могутъ соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человѣчества—возможное для человѣка совершенствованіе. Милліоны дѣятелей во всѣ времена стремятся къ выполнению этой задачи: но искомое совершенство всегда будетъ для человѣчества тѣмъ идеаломъ, который человѣчество будетъ стараться вмѣстить въ себя, но котораго никогда не обниметъ. Иначе и быть не можетъ: конечнымъ дѣтелямъ не обнять совершенства — безконечнаго по самой природѣ своей.... Однакоже, назначеніе человѣчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къ этому совершенству, — не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединеніе (нравственное) многихъ личностей въ одну общую великую личность, призванъ выполнить одну какую нибудь *частную* задачу жизни, указываемую ему природою и исторіею, и онъ выполнить ее непременно, если достигъ необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развивалъ одни идеи, на примѣръ идею искусства, тогда-какъ древній римскій народъ — другія, на примѣръ, идею права. Когда народъ выполнить уже свое назначеніе, тогда онъ уступаетъ мѣсто другому народу, который въ свою очередь дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человѣчества—совершенствованіе рѣшается многими народами, дѣйствующими не только совмѣстно—другъ подлѣ друга, но и преемственно другъ за другомъ. Каждый народъ вноситъ свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цѣль человѣчества — усовершенствованіе, то нѣтъ и не будетъ ни одного народа, который могъ бы сказать, что уже все сдѣлано для блага человѣчества и ему ничего не остается дѣлать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое нибудь дѣло, другой продолжаетъ начатое, — одинъ дѣлаетъ болѣе, другой менѣе, но чѣмъ болѣе выступаютъ великихъ дѣятелей, т. е. народовъ, вырабатывающихъ свою жизнь ту или другую идею, тѣмъ болѣе движется впередъ общечеловѣческое усовершенствованіе. Такимъ образомъ, безъ множества и разнообразія народностей невозможенъ никакой прогрессъ человѣчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитанниковъ по одной задуманной мѣркѣ, не допуская никакой свободы въ развитіи, подавляетъ и губитъ развитіе подпавшихъ ей вліянію личностей. Но надъ человѣчествомъ нѣтъ такого деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя и борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловѣческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизни религіозно-христіанской? Вѣдь и христіанство проповѣдуетъ нравственное усовершенствованіе. Вѣдь и жизнь христіанская есть идеалъ необъятный ни для кого, слѣдовательно ничего не будетъ противнаго христіанству, если тотъ или другой народъ своею жизнію разовѣетъ ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно—при ограниченныхъ силахъ человѣка съ одной стороны и при необъятности идеала жизни христіанской съ другой. Это тѣмъ болѣе возможно, что христіанство не отвергаетъ всего человѣческаго: напротивъ, старается возстановить и утвердить въ человѣкѣ все, что есть въ немъ истиннаго, добраго, законнаго. Христіанство ведетъ человѣка къ совершенству не только средствами сверхъестественными, но и естественными. Слѣдовательно тѣ или другія особенности народныя не отвергаются христіанствомъ, если въ этихъ особенностяхъ есть сторона добрая, а она всегда есть въ характерѣ народномъ; напротивъ, чѣмъ сообразнѣе съ характеромъ народа взятая имъ сторона жизни христіанской, тѣмъ успѣшнѣе будетъ развитіе этой жизни... она, въ такомъ случаѣ, своя, *родная* для народа. Такимъ образомъ, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, мало по малу приближаются къ человѣчеству общій великій идеалъ жизни христіанской, хотя исполнѣ этотъ идеалъ не можетъ быть обнять человѣчествомъ ни въ одно время.

Въ исторіи христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замѣтить, что тотъ или другой христіанскій народъ развивалъ у себя *преимущественно* одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болѣе сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо замѣчаютъ, что въ первыя времена христіанства, на востокъ—среди господствующаго народа греческаго—развивалась преимущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западъ—среди господствующаго народа римскаго—развивалась преимущественно сторона практическая. Народъ греческій, съ одной стороны—примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой—самъ развитіи мыслительную способность свою философіею,—естественно, болѣе всего разсуждаетъ о теоретической сторонѣ христіанства. Народъ римскій, народъ практическій, способенъ владѣть мечемъ, а не разсуждать. Оттого на Востокъ спорили о догматахъ вѣры, а на Западъ и лучшіе умы не советѣмъ искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертуліанъ разсуждаетъ, что если Богъ не создалъ овецъ зелеными или голу-

быми, то намъ и не нужно цѣтныхъ одеждъ... и это въ одно почти время съ существованіемъ на Востокѣ знаменитаго философа-христіанина, Климента Александрійскаго! Самый аскетизмъ христіанскій на Востокѣ имѣетъ характеръ болѣе созерцательный, — на Западѣ — болѣе практическій. Въ послѣдствіи времени, различнымъ народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторону въ ихъ широкомъ содержаніи. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая обнимаютъ всю полноту христіанства, необъятную ни для кого, то различныя народности всегда могутъ найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до этихъ поръ не разрѣшенной и которая, при томъ, вполнѣ сообразна съ природнымъ характеромъ народа... Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіанскіе, занявшіе мѣсто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда они сдѣлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе; но и теперь, нельзя не замѣтить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дѣлаетъ то, что вполнѣ сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бѣда, если тотъ или другой народъ не рѣшитъ окончательно взятой имъ задачи: онъ сдѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать, а другой народъ продолжитъ начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко рѣшить, какъ это представляется: кто, напримѣръ, можетъ указать предѣлъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ здѣсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тѣ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частную сторону христіанства, народъ не унижалъ другихъ сторонъ жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ иными христіанскими народами, — чтобы своего частнаго дѣла не возводилъ въ законъ общій для всѣхъ, какъ единственно лучшее дѣло жизни христіанской, — чтобы вообще не считалъ себя обнявшимъ всю полноту жизни христіанской. Такъ, Германецъ, любящій углубляться мыслию въ предметъ, остается вѣренъ своей природѣ и народности и дѣлаетъ законно-христіанское дѣло, если старается открыть въ религіи христіанской то, что есть въ ней удобопостижимаго для ума человѣческаго: но онъ погрѣшаетъ, если единственнымъ руководительнымъ началомъ въ жизни религіозно-христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Англичанинъ правъ и предъ своею народностію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободою совѣсти: но онъ погрѣшаетъ, если принципъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ

въ жизни христіанской. Такъ, Итальянецъ въправѣ развивать и.ею искусства христіанскаго: но если онъ увлекается своимъ предметомъ до того, что забываетъ прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаетъ въ искусственной сторонѣ его, то онъ погрѣшаетъ, какъ это и видно на самомъ дѣлѣ: напримѣръ, богослуженіе римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняетъ собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза — прекрасное дѣло: но если онъ навязывается всѣмъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ мірѣ, то онъ заблуждается: любовь христіанская не дѣлаетъ насилія независимости ближняго. Словомъ, тотъ или другой народъ, желающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотрѣть на *все* христіанство сквозь призму своей *исключительной* народно-христіанской жизни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизни — какъ общечеловѣческой, такъ и христіанской, отдавать должное уваженіе и всѣмъ прочимъ сторонамъ христіанства, которыя раскрыты или раскрываются другими народами. Въ противномъ случаѣ, онъ отступить отъ истины и погрѣшить противъ христіанскаго ученія. Такъ возникли церковь римско-католическая и общество германо-протестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перенесенными на христіанство: особенности католицизма — главенство Папы и особенность протестантизма — раціонализмъ имѣютъ свое основаніе въ характерѣ обоихъ народовъ — римскаго, приыкшаго къ обладанію всеевѣтному, и германскаго, склоннаго къ самоуглубленію. Но если они захотятъ сдѣлать эти свои особенности общимъ правиломъ для всѣхъ, если они всю полноту христіанства заключатъ въ эти особенности свои: то становятся въ высшей степени неправы. Пусть римскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачѣмъ онъ распространяетъ свое владычество на *всю* церковь? Пусть народу германскому будетъ особенно близка теоретическая сторона христіанства, пусть онъ съ особенною любовью останавливается на понятіи *о вѣрѣ* съ теоретической точки зрѣнія: но зачѣмъ онъ отвергаетъ сторону практическую и не даетъ надлежащаго значенія *дѣламъ* (добрымъ)? Вѣроученіе одной православной церкви, обнимаетъ всѣ стороны христіанства; она, въ своей *догматикѣ*, отдаетъ должное каждой сторонѣ жизни христіанской, хотя *на дѣлѣ* — въ практикѣ, развиваетъ болѣе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно народнымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляетъ

развитіе народностей, а церковь православная не препятствуетъ самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не злоупотребляютъ представители церкви...) Первая хочетъ сдѣлать всѣхъ *римскими* католиками, послѣдняя заботится о томъ, чтобы всѣ были *истинно-вѣрующими* христіанами. Оттого, на Западѣ, народы римско-католическіе тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотятъ быть самостоятельно народными, какъ, напримѣръ, народы германскій, англійскій, даже (въ извѣстной степени) французскій и даже—италіянскій. На Востокѣ, православно-христіанскіе народы получаютъ самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православною церковію и не отступая отъ православія какъ напримѣръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій.... Православная церковь, давая развитіе различнымъ народностямъ, къ ней принадлежащимъ, возвышается надъ всѣми этими частными народными развитіями въ своемъ общемъ вѣроученіи, которое обнимаетъ всѣ стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитіе всякой частной стороны — безъ противорѣчія общей полнотѣ христіанства. Впрочемъ, можно думать, что съ теченіемъ времени западные народы оставятъ свой исключительный взглядъ на христіанство и станутъ воздавать должное уваженіе и другимъ—разнообразнымъ, но тѣмъ не менѣе законнымъ — взглядамъ на него, хотя въ то же время, каждый народъ будетъ жить своею особою жизнію, отличною отъ жизни другихъ, но и не противорѣчающею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на историческихъ обстоятельствахъ, — вѣдь это шагъ къ сближенію христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ....

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взялъ для развитія у себя? Отвѣчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредѣлить съ точностію и полнотою свои народныя отличія съ этой стороны; мы такъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторое отличіе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое *расколомъ*. Малороссы, не бывшіе въ Велико-россїи, и не приемиравшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколъ есть какая-то секта, не стоящая вниманія, не подозрѣвая, что расколъ считаетъ сво-

ихъ послѣдователей миллионами, дышетъ здѣсь повсюду, пустилъ свои корни глубоко въ жизнь. Но сильный въ народѣ велико-русскомъ, расколъ нисколько не проникъ въ среду народа южно-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другимъ — гражданскія и церковныя: явленіе, заслуживающее вниманія! Безъ сомнѣнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствію въ другомъ способствовали историческія обстоятельства, какъ церковныя, такъ и гражданскія: но тамъ, гдѣ расколъ такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность къ нему: иначе историческія обстоятельства не подѣйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онѣ подѣйствовали. Равнымъ образомъ, нужно предположить, что и въ народѣ южно-русскомъ существуютъ такія черты нравственной жизни, въ которыя восприняли бы ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола послѣ того, какъ великорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми обществами, — слободами, монастырями. Какъ частный человѣкъ, такъ и народъ, если симпатизируетъ чему-нибудь или отвращается отъ чего-нибудь, то въ немъ самомъ — въ его природѣ — лежитъ основаніе его симпатіи или отвращенія. Объяснять происхожденіе и распространеніе раскола какимъ-нибудь внѣшнимъ случаемъ — невозможно.... Какая же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустилъ у себя появленіе раскола, а другой — отвергъ его? Что касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религіозной жизни этого народа, именно въ его приверженности къ внѣшней *церковно-богослужебной* сторонѣ жизни христіанской. Когда появилась нужда сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церковномъ богослуженіи велико-русской церкви, то часть народа захотѣла лучше отложиться отъ Церкви, чѣмъ допустить поправку чего-нибудь. Расколъ есть *ярая, выпуклая* сторона этой приверженности къ существующему обряду (какъ бы ни было недавне существованіе его), есть *неумѣренное* ея выраженіе. Приверженность къ внѣшности церковной, въ существѣ своемъ, законна, но не законна только *степень* этой приверженности, обнаружившаяся въ расколѣ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могіла, митрополитъ кievскій, сдѣлалъ болѣе въ исправленіи церковнаго богослуженія въ южной церкви, чѣмъ Никонъ патріархъ московскій: но гдѣ протесты противъ

этого, подобные русскому расколу ⁽¹⁾? Мало этого: Петръ Могила допустилъ въ православное богослуженіе своей церкви нѣкоторые обряды изъ католическаго богослуженія, приспособивъ ихъ, конечно, къ православному богослуженію, напримѣръ, такъ называемыя *пассіи*, т. е. чтенія евангелій о страданіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре пятницы великаго поста: и однако, южнорусскій народъ съ особенною любовію спѣшитъ на это трогательное богослуженіе. Можно себѣ представить, какъ было бы принято подобное въ Великороссіи, гдѣ четвероконечный крестъ, употребляемый всѣми не только не православными, но и православными народами, называется *печатію антихриста*.... Что же значить это разумное отношеніе народа южнорусскаго къ церковной обрядности? То, что тогда-какъ великорусскій народъ обращаетъ вниманія болѣе на внѣшнюю сторону богослуженія, народъ нашъ придаетъ больше значенія внутренней сторонѣ его, обращая вниманіе на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противорѣчатъ другъ другу въ своемъ взглядѣ на богослуженіе, хотя и различаются другъ отъ друга, слѣдуя склонностямъ своей природы. Это отнюдь не значить, чтобы народъ южнорусскій менѣе цѣнилъ православно-церковное богослуженіе, чѣмъ великороссійскій: народъ, ведшій такія продолжительныя и кровавыя войны съ римскою унией — не только за догматы своей церкви, но и за ея обряды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустилъ у себя нѣкоторые новые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православныхъ обрядовъ. Указывая на эти факты, мы хотимъ только сказать, что и теперь уже замѣтно нѣкоторое различіе въ нравственно-религіозной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ вѣроученіи.

Но если мы не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ *вообще* есть существенный элементъ его жизни, на основаніи котораго, раньше или позже, должна опредѣлиться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности — Шевченку. Шевченко — поэтъ

(1) Любопытныя историческія изслѣдованія объ изправленіи церковнаго богослуженія Петромъ Моголою помѣщены въ духовномъ журналѣ. «Руководство для сельскихъ Пастырей», за 1860 г., подъ названіемъ: *Недостатки церковной обрядности въ южной Церкви и Требникъ Петра Моголы.*

народный въ полномъ смыслѣ этого слова: но кто не замѣчалъ, что въ его народной поэзіи религіозность свѣтится яркими лучами ⁽¹⁾. Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевченко говорить, что слово поэта —

..... то Божее слово,
То сердце по волѣ зъ Богомъ розмовля,
То сердце щебече Господнюю славу;

что мысль поэта стремится къ небу, а на землѣ не находитъ себѣ пріюта: — его

..... думка край світа на хмарі гуля,
Орломъ сизокрілимъ літає, ширіє,
Ажъ небо блакитне широкими бє;
Спочине на сонці, єго запитає:
Дє воно почує, якъ воно встає?
Послухає моря, що воно говорить,
Спитá чорну гору: чого ти німá?
И знову на небо, бо на землі горє,
Бо на ій, широкій, куточка нема
Тому, хто все знає, тому, хто все чує:
Що море говорить, де сонце почує —
Єго на сімъ світі ніхто не прийма.
Одинъ вінъ міжъ ними, якъ сонце високе:
Єго знають люде, бо ноєть земля;
А якъ-би почули, що вінъ одинокий
Співа на могилі, зъ моремъ розмовля,
На Божее слово вони бъ насміялись,
Дурнимъ би назвали, одъ себе прогнали.
»Нехай по-надъ моремъ«, сказали бъ, »гуля!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ »Гайдамакахъ«, Шевченко рисуетъ своихъ героевъ и религіозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Діти не хрещені ростуть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Ляховъ и Жидовъ, »віру рятують« (стр. 54). Пвиготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молитвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіе казни враговъ своихъ — »ножі« и уже

(1) Мы имѣемъ ввиду одни напечатанныя произведенія Шевченка.

»съ свяченимъ гуляють....« Предводитель ихъ, Гонта, налагаетъ руку на собственныхъ дѣтей за то, что они католики, и — мы не можемъ безъ содроганія читать тѣхъ сценъ, гдѣ изображается борьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ героѣ — любви отца-христіанина къ дѣтямъ съ ненавистью къ врагамъ-католикамъ? (Кобзарь, стр. 208 — 216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не питаетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нѣтъ:

....згадаешъ—

Сѣрце усміхнѣтця,

говоритъ Шевченко, при взглядѣ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказалъ бы, что поэтъ сочувствуетъ не чему нибудь другому въ герояхъ прошедшей народной жизни, а этой кровавой расправѣ ихъ съ Ляхами и Жидами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцѣ лежатъ инныя истинно-христіанскія чувства, а не кровная месть:

.... за віщо,

За що люде гинуть?

Того жъ батька, такі жъ діти,

Жити бъ та брататця,

Ні, не вміли, не хотіли,

Треба розъеднатьця!

Треба крѣви брата, крѣви,

Бо заздро, що въ брата

Е въ коморі и на дворі

И весело въ хаті.

»Убьемъ брата! спалимъ хату!«

Сказали и — сталося.

Все бъ, здається; ні, на кару

Сироти зостался.

Въ слізахъ росли, та й віросли;

Замучені руки

Розв'язались — и кровь за кровь,

И муки за муки!

Болить сѣрце, якъ згадаешъ:

Старіхъ Славянъ діти

Впились крѣвю, а хто виненъ?

Ксєндзі, єзуїти! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за *народно-христіанскую идею*, одушевлявшую ихъ. Облечь эту идею въ иную форму поэтъ, конечно, не могъ — безъ противорѣчія *истори-*

ческой истинѣ. Правъ и чистъ не одинъ поэтъ; мы не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дѣйствовать имъ иначе въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ?... Не герои виноваты, а «кссндзи, езуіти», Польша, съ своимъ римскимъ католицизмомъ.....

✓Въ исторіи «Наймички» поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящіяся къ прошедшему и современному быту народа: но не забыты и черты религіозныя. — Героиня разсказа ходитъ въ Кіевъ «усѣмъ святымъ поклонитись» и изъ Кіева приносить своимъ домашнимъ нѣкоторые священные для нихъ предметы — «шәпочку зъ Ивана святого и перестежникъ одъ Варвара;» дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возвращающагося «изъ дороги,» она собирается

«Акаѣиствъ наняти
Миколѣви святому
Й на чәсточку дати,»

а въ послѣдніе минуты своей жизни, она тихо говоритъ: *Отче нашъ*.....

Шевченко влагаєтъ въ свою поэзію элементъ религіозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, — но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кипитъ тѣми или другими мыслями и чувствами. Воспоминая, въ чужой сторонѣ, свою милую родину — предъ тѣмъ временемъ, когда

« надворі
Наступає свято,»

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубокою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

« завтра рано
Заревуть дзвіниці
Въ Україні; завтра рано
Зберутца молитись
Люде добр. . . . »

а здѣсь — на чужбинѣ

. . . . завтра рано
Завіє голідний
Звірѣ въ пустині, та повіє
Ураганъ холідний
И занесє снігомъ білимъ
Курінь, мою хату....
Оттакъ мені доведѣтца
Свято зострічати! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостеприимной сторонѣ, поэтъ-христiанинъ,

»свої думи тяжкі
И серце убоге
Заховавши, ходить собі
Та молитця Бóгу« (тамъ же)

Неволя, тягчайшее изъ бѣдствій чело́вѣка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротивъ —

» А я, воленъко, въ нево́лі
Помолюся Бóгу,« (стр. 83.)

говоритъ поэтъ, и, возводя очи къ небу, обращается къ «зарѣ — другу своему», чтобы она «рассказала Бóгові» о его тяжкихъ думaxъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда «все замóвкло....» поэтъ замѣчаетъ: «такá Бóжа во́ля!»

Мы сдѣлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участіи религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеніи «Псалмовъ Давидовыхъ» съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болѣла душа поэта по многимъ причинамъ.... и изливала свое горе въ тѣхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всѣ звуки пророческой поэзіи облекаются у поэта нашего въ родную рѣчь его, но только тѣ, которые отвѣчаютъ настроенію души его. Таково всегда отношеніе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тѣмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душею, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болѣе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему..... Приведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо припоминаетъ жизнь поэта....

»Бóже, спасі, суді менé
Ти по своїй во́лі.
Молюсь, Гóсподи, внуши́ імъ
Усть моїхъ глаго́ли!
Бо на дýшу мою встáли
Сїлніи чужіі,
Не зря́ть Бóга надъ собою,
Не зна́ють, щó діють.
А Богъ міні помага́е,
Менé заступа́е

И імъ правдою Своєю
 Вертае їхъ злая.
 Помоліся Господеві
 Сёрцемъ одинікимъ,
 И на злихъ моіхъ погляну
 Незлимъ моімъ окомъ.»

✓ Заключимъ наши выписки изъ поэта величественною картиной, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библіи, — когда въ посланіи къ Шафарику, главному дѣятелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ живительную дѣятельность его въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славянъ семью велику

Перелічивъ до одного,

Перелічивъ трѹпи —

Ане Славянъ—и ставъ-еси

На великихъ кѹпахъ —

На распѹтїи всесвѣтнѹму —

Іезекілемъ...

И—о дѣво! — трѹпи встали

И бѣи роскрили!

И братъ зъ брѣтомъ обнялся

И проговорили

Слово тѣхоі любви

На віки и віки!

✓ Такимъ образомъ, во всѣхъ родахъ поэзіи Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случаѣ мы приписали бы поэзіи Шевченка (вопреки всякой истинѣ) исключительность и лишили бы её той полноты, какая свойственна поэзіи всѣхъ истинно-великихъ поэтовъ. Нѣтъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный.....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка къ жизни народа! Намъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда..... Мы съ любовью останавливаемая на служителяхъ вѣры, когда они, какъ въ поэмѣ Шевченка (1) одушевлены тою же народно-религіозною идеею, какъ и окружающій ихъ народъ; но нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

(1) См. «Гайдамаки» проповѣдь благочиннаго, «Кобзарь» стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго рука-объ-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и схоластицизмъ, съ другой — грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоинству челоуѣка, мы готовы думать, что лица, подобныя Климентію, составляютъ меньшинство. Иногда недостатки общества, долго таившіеся внутри его, отъ тѣхъ или другихъ причинъ начинаютъ выявляться наружу и скопляться въ одно какое-нибудь мѣсто: тогда появляется одно или нѣсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ въ фокусѣ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ему подобные. Но чѣмъ сосредоточеннѣе болѣзни общественнаго организма въ одномъ какомъ мѣстѣ, тѣмъ свободнѣе отъ болѣзней прочія части тѣла: значить, появленіе такихъ уродливо - болѣзненныхъ лицъ, какъ Климентій, — признакъ того, что у насъ есть надежда на исцѣленіе...., что скоро такихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не видитъ теперь недостатковъ того направленія, которое обнаруживается въ поэзіи Климентія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ него чистою, живою струею; пусть она не заключается въ мудренныя книги, а старается сблизиться съ жизнію народа, станетъ нашею *родною* истиною. Примѣръ для всѣхъ насъ — основатель нашей Вѣры: нѣтъ истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святые и чистые истины Евангелія..... Пусть же получаетъ и почерпаетъ нашъ народъ и истину изъ Евангелія. Оно же недавно и перевеено на великорусскій языкъ, который всё-таки понятнѣе для Малоросса, чѣмъ церковно Славянскій. Но не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Украинскій...

Г. Т.

5 марта 1861.

С. п. б.

ЛІСТІ СЪ ХУТОРА

ЛІСТЪ ІV.

ПРО ЗЛѢДІЯ У СЕЛІ ГАКІВНІЦІ.

Дивіютьця, кажете, добродію, люде, що десь на хуторі про Тарасову смерть не згіршъ одъ городянъ письменнихъ метикують, а ми дивіємось тимъ городінамъ, що, якъ скаже нашъ братъ путне слово, то вони й роті пороззявляють: дивісь, мовлявъ, простий чоловікъ, а говорить розумно! Коли хочете знати, добродію, то се намъ на-дивовижу, якъ тамъ по городяхъ люде не позабували говорити и обертатися по-людській. Початокъ и корінь городянства зостаєсь у хуторі, то, здаєтця, тутъ би треба й шукати основи всякої справи городянської, тутъ би шукати й праведного розуму всякої городянської установи. Коли ви не цураєтесь мого писання, то я вамъ дещо оповідаю, що мині на віку бачити й чути лучалося. Може, зъ оповідання більшъ дорожувєтця ваша городянська громада, аніжъ изъ моєї хуторянської філософії.

Згоріла въ насъ у селі, недалєчко одъ мого хутора, цєрква. Селяне й приишли до мене въ пасіку: »Добродію, потурбуйтєсь на послугу громаді, обїдте зъ нашимъ тїтаремъ сєла, чи не знайдете людєй побожнихъ, щобъ допомогли цєркву збудувати.

Ви жъ бо такі всіюди бували, усіякихъ людей знаєте, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.»

Ну, коли вамъ правду сказати, то въ насъ по хуторахъ люде не дуже-то звикли про церкві дбати. Байдуке намъ, хуторянамъ, про церкву; а селяне, то ті вже кажуть: »то намъ не хвала, якъ у селі церкви немає«, а городяне, то ажъ золотомъ верхи побивають. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до зорявого неба, або вранці до східъ сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ молятця, а інший батько дітей краще відъ попá навчає. Та дарма: що намъ про те зъ селянами широко річъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такої чоловікъ думки, що громада — всіюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловікъ, якъ ще наші предки у житяхъ та по-надъ річками въ дибровахъ Бóгові молилися, и тоді, якъ почали молитися по-грецькій, и тоді б́уде великий, якъ поклóнятця Бóгу д́ухомъ и истинно, занедбавши Ерусалимъ. Инше, ма́бутъ, не можна, якъ такъ у истóрні, бо колибъ можна було, то певно громада іншимъ би рóбомъ собі пийшла. О́то жъ я такъ и про селянъ, моїхъ сусідъ, у серці своєму помисливъ, а їмъ того марно не виявлявъ: на що? »Дóбре«, кажу: »що громаді, те й ба́бі.«

И отó зібóрались ми съ титаремъ, сіли на візóкъ, потуркотіли. Часъ бувъ такий, що люде на весні пообтóрювались, а кошови́ця ще не почина́лася, то мині хочъ би въ па́сиці й треба бжолі догледіти, та въ мене е такий дідóкъ про се, а на кошови́цю ще до госпóди всти́гну. Весну́ давъ Госпóдь на той рікъ рясу́: ажъ нахили́ємось, ідучи по́підъ са́дами; бі́ле ві́ття по вид́у займа́є, запáшною росóю крóпить.

Титарь — чоловікъ побóжний и трóшки притама́нкуватий — ка́же:

»Се насъ, добродію, а́нгели білими кр́ильми обвіва́ють; се вони́ на зéмлю поспуска́лися и садовину́ мовъ лебеді всю вкр́или.«

— »Такъ, такъ, Пётре!« кажу́ (а ё́го зва́ли Петро́мъ). Лю́бе мині́ було те се́рце т́ихе та со́йшне въ то́го д́дуса́ старе́нького. »Се«, кажу́, »а́нгели людей у рай за́мáнюють.« Та ще й дода́в ё́му зъ свого рóзуму: »Не живé,« кажу́, »чолові́к на сві́ті безъ висо́кої д́умки про якийся миръ, кращий одъ на́шого. Ся«, кажу́, »д́умка свята́ одъ землі ё́го підійма́є и звиќеміти не да́є ё́му.

По городáхъ, Пётре, міжъ товариствомъ блискучимъ є такі люде, що про корість та набúтокъ байдúже, а все куди́сь далéко за край свѣта зазирають и такé лю́дямъ опові́дують, що хі́ба тільки въ гáрному сні присні́тця. Тихъ люде́й, Пётре, поэтами величають и до робóти ні до я́кої їхъ не змúшують, и у всёмú імъ потурають, бо вони́ городя́намъ не дають усі́мъ пожди́вѣти.»

Кивне́ ми́ні Петро́ сиво́ю чупри́ною, а самъ ажъ го́лову хили́ть, прислу́хаючись до соловéйка, що въ томú пийшному цві́ті, у тій садовині́ запáшній голосно́ю лунно́ю розляга́етця: ё́му тамъ а́нгельскі́ співи здаю́тця, и все собі́ шéпче: »святъ, святъ, святъ«, мовъ той вітере́ць попідъ гу́стими ве́рбами.

Залю́бки ми́ грома́ді прислу́жи́лися, мовъ де въ гостя́хъ у яко́гось ласка́вого, нескза́нно ще́дрого па́на побува́ли: тра́ви всю́ди вже фили́ютця; рі́чки, стави́, озе́ра сто́ять упо́вні, яснé не́бо зъ весня́ними хма́рками въ нихъ ви́гляда́етця, дівбо́ра весéла золоті́мъ во́лосомъ на со́нці то́бі світи́ть, — и сво́ю малéчу згада́ешъ, и на се́рці то́бі т́хо и я́кось смúтно, и зня́всь би, та й полеті́въ, співа́ючи, по-надъ земле́ю.

Тільки́ вже, якъ верта́лися до́дому, почали́ ми трі́вожити́сь, якъ би грома́дського ска́рбу не втери́ти, бо — відомé ді́ло — городі́ багáто таки́хъ люде́й порозво́дили, що, мовъ вовки́, въ се́рці тільки хижа́цтво ма́ють. Заночува́ти въ полі́ — стра́шно. Ато́ ми зна́й бу́ло въ полі́ ночу́емо. Ну, вже́ жъ и па́ша ста́ла не вільна: почали́ хло́пці на ношлі́ги по то́локахъ тільки ставáти. А туди́ їхавши, ми бу́ло такъ прила́жуємось, щобъ сво́ї коні́ міжъ чужі́ пус́тити: тамъ уже́, звісно, ва́рта чергу́етця — не вера́дуть. У насъ, ба́чте, по се́лахъ міжъ хло́пцями ношлі́жниками да́вній коза́цький звича́й. Вата́га спить на оброта́хъ та на ша́пкахъ, го́ловами доку́пи, а оди́нъ варту́й. Якъ же який гурть́ ubezпéчитця та вкладе́тця увéсь спáти, то гля́ди — зъ іншого табу́рища прискóчить, та й поволо́че ко́го схóче до Ерусали́му. Вонó-то, коли́ хочете зва́ти, страши́а за́бавка въ хло́пцівъ той Ерусали́мъ, а про-те́ батьки́ за сонли́вихъ діте́й не вступáютьця. »Неха́й«, ка́жуть, »коза́цький звича́й зна́є.« До Ерусали́ма въ насъ і́здать отъ́ якъ: скру́титъ изъ та́волги петельку́, на но́ги со́нному накі́не, конéві до хвоста́ прив'я́же, скóчивъ о́хляпъ — гайда́ по полю́! и до-схочу́ тимъ ге́рцемъ у чи́стому полі́ ти́шитця, що въ бідола́хп и спи́на й поти́лиця облі́зе. Оце́ въ насъ зве́тця до Ерусали́му

іздити. То ми вже були безпечні, де була вартя: не пропадуть наші коні між господарськими, та й до скрбу лихий чоловік не підкрадетця. А тепер уже й моторошно самим у полі стояти; бо дідусь мій, титарь, и голосу гарздъ не одведе, не то що. Вінъ тільки на те мині въ дорозі й здався, що якъ увійдемо було до господи, то вінъ съ тарілочкою — сивий якъ голубъ, борідка біленька, кучерявенька, самъ тихесенький, лагідненький такий! такъ тутъ уже господарь и господиня не пожалують и останню копійку на церкву подати. Отъ и почали ми съ титаремъ обічовуватись уже по людськихъ господахъ, — добрі люде всюди на ніч пускали.

Оце жъ разъ надъ-вечіръ уїхали ми въ село Гаківницю. Гарне село козаче. Ставъ такий, що по тімъ боці тільки чути, якъ ячять гуси, а дітей на березі и не розгледишъ; верби далекі ажъ имла сіня повяла, наче въ великому лузі за Порогами. Церква старосвітська, що ще-то ті люде будували, котрі въ піддашняхъ та въ ганкахъ, та въ баласахъ кохалися. Теперъ тобі збудує церкву або дзвіницю — стоїть якъ шпиль, мовъ швайкою въ хмару коле; а що старосвітські наші церкви, то любо й поглянути. Віконця скрізь обмережені та позакруглювані, а якъ де, то наче квітку тобі на писанці введе, ажъ жаль берé, що те старе-незне древо мохомъ проросло, вітромъ та дощемъ обкрішується та трухне. Підъ віконцями гонтовий дахъ навкругі церкви и навкругі мережані, вирізувані піддашся. Тільки скрізь грати ледве-ледве низові вікна мріють. Задивися на таку церкву, загадаєся: де-то люде тіі на спочивокъ повкладалися, що докупі підъ тими гонтами зеленастими збірлися!... Оттакá жъ була церква въ тій Гаківниці, въ тому селі великому козачому. Гарне село. Усе майдани та широкі узберіжжя на верхівяхъ того ставу величнного. Роскінулось по волі: есть де й дітямъ погуляти, и дівчатамъ у хрещика побігати, и парубкамъ, лицяючись до дівчини, против місяця постояти.

Отъ, вибрали двірникъ веселий зъ моріжкомъ, просьмось обночувати. Молодичка против череди вийшла. »Не можна«, каже, »люде добрі.«

— »Чомъ не можна?«

»Такъ«, каже, »у насъ не можна ночувати.«

— »Де жъ намъ, голубко, съ кіньми подітися?«

»Ідте«, каже, »люде добрі, до злодія.«

— »До ко́го?«

»До злодія. У злодія васъ пўстять на́ нічть.«

Сказала, та й кїнулась своїхъ овечать займати.

Зглянулись ми зъ дїдусємъ: що се за дивовїжа така? скільки світу проїхали — всюди намъ була одъ людєй шаноба, а тутъ, глянь, до злодія насъ одсилають на́ нічть!

Проїхали ще дворівъ зо́ два; зновъ такий двірть ви́брали, що й до водопою не далєко, и веселєнький, чїстий, вербами зъ ўлиці понахїляний. Витаетьмось изъ дідомъ (дїдъ за ворїтьми сївий сидїть у старому кожущкї; дитїну на рукахъ, укїрївши вь по́ли, годї-бить, коло єго хлопїть и дївчатокъ кўпецъ). Просїмось на́ нічть.

»Ідте«, каже, »люде добрі, до злодія, а тутъ васъ нїгдє не пўстять.«

Що за повітря! дўмаю собі.

»Чомъ же не пўстять?«

Не говіркий бувъ дїдъ, кивнўвъ головою. »Не пўстять«, каже. »Въ насъ нїкого не пускають.«

Що жъ се зъ на́ми, Господи, дітця? дўмаємо собі. Одъ злодїївъ усю́ доро́гу остерега́лися, а тепєрь би то до злодія почувати заїхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненїта на́ши ржуть озираетьсє; спочїнку бажаеть. Стріли молодїцю зъ відрами, вь неї питаємось.

»До злодія«, каже, »заїжджайте: тамъ вамъ бїде гараздъ.«

»Та побійся ти Б́ога, душе́ спасєнна: якъ такий доброму чоловікові вь злодія почувати?«

А вона́ підтупцемъ переходить намъ доро́гу впо́вні, спасїбі їй, та тільки руко́ю на край села́ махає. »Тамъ«, каже, »всі́ ночують.«

Ма́буть, вечерю ха́палася варити — нїколи сь подоро́жніми розмовляти.

Що за напасть така?

»Дїду Пётре!« кажў до свого тітаря. »Сповідайся, кажў, минї, чи, нема́ вь те́бе яко́го грїха́ на душі: мо́же, вь трєте женїтисє надўмавсь?«

Шуткїю, а на душі́ я́кось ажъ сўмно, що кудї́ се ми протїв-ночи заїхали? мїжъ якї́ се ми лю́де заїхали, що до злодія спрова́джують на́ нічть?

Стоїмо́, вже й не ідемо; стоїмо́ середъ майдану. Ажъ тутъ ко-

сарь косою противъ krásного заходу крізь кúраву, що чередá пройшла, світить. Подождáли по́ки надійде, жалку́ємось, що отта́ка й така річъ.

А чоловікъ, здаётця, до́брый, неглумлівий. Осміхну́вся. »Та і́дте«, ка́же. »Чого́ ви боіте́сь? Вамъ тамъ бу́де до́бре. Ні́где на всьму́ селі́ краще́ не бу́де.«

»Де жъ той зло́дій у васъ живе́?«

»А отто́«, ка́же, »на рі́жкú коло́ царини́ ёго́ двірѣ. Онѣ́«, ка́же, »верба́ черезъ усю́ доро́гу зъ дво́ра перегну́лась и зъ дру́гою вербо́ю навпроти́в изійшла́ся. Отто́ й зло́дій у насъ.«

Здвигну́ли ми плечі́ма, ззирну́лися.

»А руша́йте«, ка́же, »добро́дію!«

Ну, вже коли́ тита́рь не боі́тця въ зло́дія́ почувáти, то що́ вже тутъ? Ру́шили, надбóлижи́лись: двірѣ́ га́рний, зе́лений, на узгі́рті; у дво́рі хáта чепурна́, висо́ка, білимъ причі́лкомъ на ўлицю́ зні́дъ вербо́й, мовъ моло́диця́ світоо́бка, дівитця́. Коша́ри въ дво́рі, по-ві́тки, все га́рно покрі́вано, хмеле́мъ та гарбу́зиннямъ зъ горо́ду пови́лося. Тутъ и коло́дязь підъ вербо́ю коло́ ворі́тъ, и во́рота насті́жъ очі́нені. Ко́ні са́мі такъ и поверну́ли. Ну, се хоро́ша при́кмета.

Уі́здимо́, ажъ сей зло́дій справді́ господа́рь бага́тий. Во́лі сто́ять у за́городі́ га́рні, вивозні́ї, такі-то, бачъ, що хочъ яку́ парові́зцю со́ли черезъ дрючо́к зъ місця́ ру́шили бѣ́ (¹). Сви́не́й зъ десято́к у ве́ліке ко́рі́то повла́зили. Моло́диця́ га́рну коро́ву до́іть. Усю́ драб́ицу на хáту засі́ли инді́ки. Ві́дно за́разъ, що го́спода́рь хоро́ший.

Роздивля́ємось ми, ажъ до насъ изъ ко́мори́ чолові́к вихо́дить, на ви́д чепурні́й та́кий.

»Здорові́ лю́де до́бри!« ша́нку проти́в насъ изді́йма́е. »Ночу́вати за́хали? До́бре, ночу́йте зъ Бо́гомъ. У насъ простóро.«

Такъ лю́бо та лагі́днёнько до насъ гово́рять; и моло́диця зні́д коро́ви весі́лимъ о́комъ на насъ озирну́лася. Ді́ти пови́біга́ли зъ сі́не́й; кучеря́ві та́кі, повнові́ді. Все бѣ́ вонó такъ до ла́ду, що

(¹) Якъ набі́рають сі́ль, на со́лянихъ о́зерахъ, то на́кладáй я́къ хо́чешь ма́жу, аби́ паро́ю зъ місця́ ру́шивъ. Ха́зяїнъ дрючо́к підъ ко́леса підкі́вне, щобъ не такъ-то ле́гко ру́шити. Отъ протой-то слу́ча́й держа́ть чума́кі до́бру па́ру вивозні́хъ во́лівъ, що по́тімъ оди́у ма́жу на два й на три во́зи пере́си́пають, у доро́гу.

й Господи, а намъ ялось ніяково: що куді се ми заіхали? Ще зъ-рѣду въ злѣдія не почували; та ми звикли злѣдія и на селі обхѣдити.

Отто вже я злѣжу зъ вѣза, а чоловікъ ужѣ й коней розгнѣдує. »Не турбуйтесь«, каже, »дядьку, я вамъ и повипрягаю коні и напою. Прошу вѣшої ласки вступити до господи.«

»Та ми«, кажемо, »спасибі вамъ, и тутъ переночуємо. У насъ есть изъ собою й харчъ.«

— »Та що се ви, Господь зъ вами? У насъ, якъ и двіръ стоить, своєї харчі ніхто ще не ївъ. Не погордуйте, благаю«, та ажъ кланяється.

А чоловікъ статѣчний такий, моторний. Намъ и соромъ вимовлятися, та якъ же ёго й покинути усѣ на вѣзі?

»Я«, каже, »все за вами и знесу, хочъ вонѣ й на дворі въ насъ, нехай Бігъ криє, ніхто чужѣго не зачѣнить.«

Коли жъ на порѣзі стоить старій чоловікъ: придививсь трѣхи на насъ изпідъ рукі. »Та не бійтеся«, каже, »люде добрі: тутъ вѣша й порошина не пропаде. Уступіте, спасибі вамъ, до господи, а синъ мій упѣрає вамъ коней и сѣна хорѣшого закінє.«

Познімали ми шапки, вітаємо господаря. Вінъ двѣри передъ нами въ свѣтлицю одчиняє; дѣтворѣ ёму въ полі повчѣплювалась, веселѣнько на насъ позирає.

Увійшли: свѣтлиця простѣра и кѣмната по-старосвѣтській зроблена: не збѣку відгорѣжена, а прѣтивъ двѣрей, якъ по старіхъ будѣвахъ позоставалося. Образи гарні, все Київської роботи; тихъ Сѣздальцівъ, нема й одного. Вишиванимъ рушникѣмъ покрѣвані, квітками позатікані, голубки съ папѣру вісять, писанки передъ образами; все такъ, якъ у добрихъ людѣй.

Посадивъ насъ господарь у стѣлу, росперізуватись прѣсить, шапки наші, пояси на кѣлочкахъ повѣшавъ. А тутъ и скрѣньку зъ нашимъ скѣрбомъ синъ ёго внѣсъ и на лѣві гарнѣнько поставивъ.

Ми вже такъ якъ малі дѣти, ні до чѣго й не мѣшаємось.

Заразъ винѣсъ господарь и съ кѣмнати тарѣлку мѣду гарного, хлѣба покрѣявъ передъ нами, рушникъ закінувъ намъ поза стѣломъ, достає съ полиці чѣрку й кувѣшечку поливяну, по чѣрці намъ наливає и самъ до насъ звичѣйно випивъ, и такий же то чоловікъ увѣчливий, що хочъ куді. Та намъ усѣ ялось ніяково.

Поглянемо по собі, та й годі; дідусь тільки сивенькі кучері свої пригладжує.

Віпили, закусили трόхи; на́че й повеселі́шало намъ, а все не йде зъ думки, що де жъ оце намъ Господь привієвъ ночувати?

Господарь по другій про́сить, самъ припиває. Треба намъ ви́йти й по дру́гій.

»А по третій«, ка́же, »за вечерею. Ось моя невістка впо́ра-етця, вечеряти намъ дасть.«

То про се, то про те зъ на́ми гово́рить, и та́кий вінъ чо́ло-вікъ при́язний и розу́мний, що ми тільки плечі́ма здвига́ємо.

Да́лі я кажу́: »Па́не господа́рю! ви́бачте«, кажу́, »що я вь васъ поспитаю.«

»А що таке ва́шій ла́сці завго́дно?«

— »Та тутъ«, кажу́, »вь васъ лю́де які́сь чудні; чи вони на васъ ворогу́ють, чи Богъ їхъ зна́є; я вже й не зна́ю, якъ вамъ и сказа́ти.«

А вінъ засмієтця та й ка́же: »Зна́ю, зна́ю, що вь васъ на язи́ці верти́тця. Ніхто́ не пусти́въ васъ до се́бе на нічть?«

»Эге́ жъ, до́бродію.«

— »Ідте«, ка́жуть, »до зло́дія, такъ?«

»Та вже жъ неха́й бу́де й такъ, бо й спра́вді такъ гово́рено.«

— »Ге«, ка́же, »ото́ жъ вони й зна́ють, що́ гово́рять: я й спра́вді зло́дій.«

Ми ажъ стрепену́лись. »Що се ви? Господь зъ вами!«

»Не турбу́йтесь, лю́де до́брі, году́йтесь на здо́ровья, а я вамъ роскажу́, що́ воно́ й я́къ. Ось слуха́йте.«

Та й поча́въ роска́зувати.

»Зоста́вся я«, ка́же, »пі́сля ба́тька-ма́тери у сирі́тстві, слу́живъ по на́ймахъ. Вже й па́рубко́въ зъ ме́не, а чу́жі, мовля́въ, во́ли пасу́чи та чу́жі вози́ ма́жучи, не ба́гато при́дба́въ. Не́ма зъ ме́не чо́ловіка; бу́рла́ка я вь сві́ті безри́дний. Чи такъ же ми́ні й ві́къ зви́кувати? ду́маю бу́ло собі гі́рко. Коли́ бъ ми́ні хочъ на па́ру во́ликівъ розго́рити, то бъ я собі ся́к-такъ рота́ланивъ го́сподаретвечко. Такъ що́ жъ? чи зароби́ши́ яко́го ці́лкого́ — на поду́шне пі́де, оде́жинку тре́ба про свя́то спра́вити, бо господа́рь оде́жи не да́є про пра́зникъ, тільки про бу́день. То — господа́рь, не ба́тько: є́му а́би грі́шне ті́ло не сві́тілось, та й робі́й. А тре́ба жъ и ми́ж лю́де, до це́ркви, чи на майда́нъ до дівча́тъ ви́йти. Такъ я

собі не живу, а бідую. Що на мині, то й усього въ мене. И жені-
тись мині, якъ добримъ лю́дамъ, не приходитця. Ужé й такъ дів-
ча́та, жартуючи, мині приспівують:

»Ой гультаю гультаю,
Чогось тебе спитаю:
На що мене свѣтаешъ,
Коли хати не маєшъ?
Збудуй свою зъ лободі,
А въ чужю не веді.«

Знаєте, дівча́ча на́тура: шуткуючи, усю правду тобі віспіва-
ють; и одспівуватись нічимъ; стиснувши себе за серце, одійдешъ
та й годі. »Бóже жъ мій!« думаю, »що мині діяти на світі? Хочъ
»би мині або вкрасти де, або-що, чи не розжився бъ я хочъ трó-
»хи?« — Якъ почавъ, якъ почавъ такъ думати. »А що жъ? укрá-
»ду!« — Отъ, надумавшись, прихо́жу до свого господаря. »Спасі́бі
»вамъ, па́не господарю, за хлі́бъ за сіль и за до́бру нау́ку. Не
»хóчу вже я въ васъ б́ути.« — »Що ти, Дми́тре? чомъ не хó-
»чешъ?« — А я, знаєте бувъ парубі́ка тру́дящий и тве́езий, то
господарь мене́ д́уже вподо́бавъ. »Такъ«, кажу́, »ро́щита́йте мене́,
»під́у вже я одъ васъ.« — »Куди́ жъ ти пі́дешъ?« — »Та вже ми-
»ні-то про те зна́ти. Го́ді вже мині чужі во́лі па́сти!« — Ну, го-
сподарю́ нічого зо мно́ю робі́ти, ро́щита́в мене́, відпусти́в. Які
гро́ши мині впа́дали, я въ ёго зоста́вивъ. »Я«, кажу́, »ві́змі́у їхъ
»опі́сля; неха́й вони́ въ васъ б́уду́ть.« — Узя́в підъ пові́ткою ві-
же́чки старе́нькі, змота́в, сві́тку на плéчи, сакі́вкі взя́в и съ
хлі́бомъ, пі́йшовъ собі зъ села́. Було́ вже на́дъ-вечі́ръ. По́ки вві́й-
шовъ я верстъ изъ деся́токъ, зовсі́мъ стéмніло. Пазі́ривъ я въ
по́лі — о́гонь кла́дуть хло́пці, но́чують; вартува́ти не зві́кли, за-
разъ и ві́дно. Підожда́в, по́ки вклада́тця спáти, съ тихъ ві́же-
чо́къ поробі́в оборо́ти. Упа́в навко́лішки, зві́в на не́бо о́чи. Зо́-
ра́ве не́бо миготі́ть. Хоті́в мо́літись, та й мо́літви не добра́въ,
ті́льки запла́кавъ. У по́лі ті́ша, роса́ бли́щить по зорі́, ко́ні па-
сучі́сь пі́рхають. Мі́сяць почавъ изихо́дити; ро́гомъ у зéмлю впе́р-
ся, підні́авь у́гору. До мене́ кі́ньска ті́нь досяга́е. Такъ мині зда-
ло́сь тоді́, на́че Богъ на́до мно́ю змíлува́всь, а на се́рці така́ смі-
ливостъ, що и въ пéкло полі́зъ би, не то́-що. Обі́йшовъ я ко́-
ней, ви́бравъ, котóрі найкращі́. Па́ра га́рнихъ ко́ней пасе́тця,
укúні́ спúтані́. »Ні́«, думаю собі́, »се́ одного́ господаря́ ко́ні; не

треба ёго дуже обіжати.» Респутаєть тільки одного, а другого зь другої пари випутаєть. Хлопці хронуть; не боїтця Єрусалима: ще не проучені. Понадівавъ я на коней оброті, сівъ, свіснувъ, — тільки зори всміхнулися. До світу не знать де опинився. Передъ світомъ забравъ у гуциню, потриніживъ коні, пустивъ; самъ припавъ підъ кущъ; виспався добре; поспідавъ, що було въ саківкахъ; найшовъ воду, напоївъ коней; гайда далі. А була въ мене така вдяча, що іду и носомъ чую, куди веде дорога. Зь-роду було не заблужу. Якъ разъ у ярмарокъ утранивъ. Я такі й знавъ, що въ такому й такому містечку буває у ту пору ярмарокъ. Хожу собі по базарю, коней вожу, мовъ справді отецький синъ. Вже я на що наважусь, то мині все байдуже.»

Оттакъ нашъ господарь розвівъ історію. Ми зь дідусемъ тільки зглядуємось. Вечіръ насупився; кукурікнули на сідали півні. Молодиця світло внесла, низенько намъ уклонілася. Господарь хрестъ на себе положивъ, вечерять звелівъ подавати. Бóже жъ мій, що се за чоловікъ такий? думаю собі; а вінъ, прогорнувши ўси, далі оповідує, и такий у ёго поглядъ тихий и весілий, — якъ же ёму злодіякою бути? Ще противъ світла вірізались морщини на чолі и ўста оживилися, то мовъ казань у цёркві намъ каже.

»Хожу я«, каже, »по томۇ ярмарку. Заразъ Яндки моїхъ коней назірили, що добрі коні, почали торгувати; збувъ я тихъ коней карбóванцівъ за шість-десять, бо й справді коні добрі були, завязавъ грóши въ хустину, пійшовъ собі зь села, наче добре діло зробивъ. Сónце саме заходило, якъ я вийшовъ. Ярмарковимъ пиломъ поле затуманило. Такъ наче теперъ стою я середъ зеленого поля и дякую Бóга, а сónце нїжче, нїжче западає, краснимъ променемъ бьючи по леваднихъ вёрбахъ, по вітрякахъ крилатихъ, по висóкихъ могíлахъ. Мовъ я на Бóжий світъ народився, мовъ упёрше побачивъ, якъ сóнечко за зéмлю крїетця и Бóжа роса холодомъ по полю дїше. Стрепéнувъ я, мовъ той птахъ, и степомъ на Крїмський шляхъ двїнувъ. Рóзуму я зь-роду не позичавъ ні въ ко́го. Обернувъ сякъ-такъ свої грóши, — вернувся въ-осені додóму сь паровицею сóли. Тутъ ужé й дівчата гóді мині гультая приспівувати: вже въ мене свій двіръ, своя хата. Одруживъ я, понявъ собі дівчину-господарку: не погордували мною люде хорóші — оддали зь гáрнимъ виномъ. Отъ ужé ми й

живемо, вже въ насъ и дітки; добрі люде насъ знають. Тільки все міні кортіть, якъ би ще пару воликівъ придбати. Думаю: »Господи! ти мене закрий одъ людського ока: закрий мене ще разъ! нехай я буду господаремъ, якъ и всі люде.« — Иноді й середъ поля стану — молюся, голосно середъ поля слово здійму до Бога, ажъ сумно міні стане, и наче хто ззаду въ мене всміхається. Довго такъ я наважувавсь, далі зновъ у серці сміливість така, одвага така.... зновъ не боюсь нічого въ світі. Добувъ ще пару коней підъ чужимъ селомъ; продавъ — негідки. Що жъ би ви думали? Съ того часу такъ міні й рунить ледаче діло, такъ и трушусь, якъ забачу де безъ нагляду коней попуганихъ. Покріпивсь ище зъ рікъ, — ище разъ Бога прошу, ще разъ пийшовъ на здобичъ. Погодивъ міні Бигъ и на сей разъ. Почавъ я вже розживатися. Уже люде якось на мене чудно поглядають, и на серці часами въ мене дуже погано. Було молюся Богові: »Не карай мене, Боже, за мої гріхи ні на мині самому, ні на дітяхъ.« И вже працію було на господарстві, не жалуючи сили. Люде й бачять, що я тверезий и трудящий и нікого въ селі волосомъ не чіпаю, та міні вже такъ здається, наче вони мене не такъ щиро вітають и чогось пильно мені въ вічі дивляться. Уже въ мене старший хлопчикъ підпарубочимъ вірісь. Світлицю навпроти старі хати я собі вибудувавъ, и все міні йде въ руку, чи бжолá, чи худоба, у всьмъ Богъ мені припоряє, а про-тє наймилішъ міні було крадене. Держусь-держусь було, та й потягну що-небудь у чужихъ селахъ. Було иноді самъ оддасі старцеві сорочку, а чужє рямтя съ тину знімешъ; ажъ дүшу тобі тягне, якъ розминься, не занявши. И вже такъ бувъ розродився на чужє добре, що крадені коні въ мене у загороді по два, по три дні перестоюють, поки збуду на ярмарку. Нічого не боюсь: то міні свято, то міні великдень, якъ що вкраду.»

Дідусь мій, титарь, ажъ христитця, такє слухавши. Тутъ и молодіця вже подає вечеряти, и синъ увійшовъ знадвору, до столу сідáє; ще одінъ синъ молодікъ съ поля пригнався. Не соромитця вінъ и при семъі свою оповідь оповідати, що вже я дуже здивувався. Скільки світу я бачивъ, а такє впєрше на віку міні трапилось.

»Добродію!« кажѹ, »якъ же вѹша господіня? якъ вѹши діти?«
 — »Господіня моя«, каже, »цѹрство ії небѣсне! все же знѹла
 и діти знѹли, та що жъ? своє рідне, свої кровъ. Було плачучи
 покійна Нѹстя прѹсить: »Чоловіченъку, голѹбчику! покінъ ти сю
 »ледѹчу вѹду, себе пожалуй, насъ пожалуй, людѣй посорѹмся.
 »Вже мині парчѣвого очіпка надіти страшно; вже я въ цѣркві
 »становлюся по сѹмому заду, и свѣчку поставити мині сѹромъ, и
 »людѹмъ у вічі глянути боюся.« — Що жъ би ви дѹмали? запри-
 сягнѹ передъ нею, ѹбразъ знімѹ и поцілѹю, а підѹ въ дорѹгу —
 не втѣрплю: хочъ стригунця приведѹ додѹму, хочъ плахтїну при-
 везѹ, нѣби купивъ на ярмарку. Нѹстя було й пїзнѹє одъ рѹзу, що
 надівана плѹхта, у пїчъ було вкїне и гѹлосомъ гѹлосить. И въ
 самого въ мене сѣрце занїє, а безъ кражи нема мині життѹ на
 свѣті. Далі вже синъ почѹвъ за мною нѹзирцемъ ходїти, не пускає
 мене безъ себе зъ двѹру. Було вночі не сплю, пїдждаю, пѹки
 поснѹтъ усі, скрадѹюсь, то вінъ: »А кудї се ви, тѹту?« Я й лѹ-
 жу. Прощѹсь було въ єго, якъ дитїна, що мині нї що не мїле на
 свѣті, тїльки й мѹго, якъ де здалѣка хїстю засягнѹти. Такъ-то вже
 мині Богъ давъ, що й рѹзумъ одняло въ мене и сѹромъ, и зовсїмъ
 я пропѹщий чоловїкъ зробївся. Отѹ жъ ужѣ таюсь и передъ сї-
 номъ, нѹче мині й байдѹже; діло роблю, хожѹ до цѣрки разъ у
 разъ. Угамувѹвся синъ, ставъ мині пѹпускъ попускѹти. Вже жъ
 я й посївївъ, и унѹчать дїждѹвъ, хвалїти Бѹга; то й дѹмає —
 нехѹй здоровїй буде — синъ, що я вже схаменѹвся и на свою
 сѣмъю згляднѹвся. А въ мене дѹмка давнѹ засїла, страшнѹ дѹмка —
 цѣркву свою обїкрасти.»

Тутъ ужѣ й самъ той злѹдїй перехристївся, и всї ми, скїльки
 насъ нї сидїло за вечѣрею, усі охристїлися. Зробїлась тїша ве-
 лїка. Тїльки кагѹнчикъ трїскає.

»Тимъ я«, каже, »й до цѣрки вчащѹвъ, щобъ роздивїтись и
 змїркувати, якъ те діло вчинїти. Вже й Бѹга не прошѹ, щобъ мині
 помїгъ, щобъ оборонївъ мене и закрївъ відъ людськѹго ѹка. Вї-
 бравъ я такѹ нїчъ, якъ не було стѹршого сїна въ госпѹді. Крик-
 нули дрѹгї пївнї, я вже й на цвїнтарї. Якось мині й нїяково по
 могилкѹхъ ступѹти; батькїй, дядькїй, дїдї мої лежѹть, и вже мині
 привїджуєтця, що вони пїдъ тими пїддашшѹми ходѹть; вѹлосъ
 вїє, та, нѹ лѹхо мині, сторожї захроплї пїдъ дзвїницєю. Живї
 лѹде — не страшно мертцївъ. Зѹразъ та окаянна смїливість мене

взяла; підваживъ у церкві двѣри, виставивъ. Просто до громадської скарбівни, до церковної скриньки. Тамъ ще старá Терещиха кѹбки срібні на схованку въ церкву віддала, — все те я знавъ, де й якъ лежить. Набрáвъ повну торбу. Місяць у церкву скрізь грáти зазирає, щось ніби шáмкає, ступáє поза престόломъ, — схóплять менé дрижакі, та й зновъ байдуже. На образі не двлюся, въ зéмлю потупивсь, вийшовъ изъ церкви.... де тобі вийшовъ? вискочивъ! Дѹмка булá двѣри до одвірківъ притулити — страшно, наза́дъ страшно оберну́тись; уте́комъ черезъ могилкі до хвіртки. Холо́дна росá зъ дѣрева менé обсіпала; мовъ щось менé держіть за плéчи, мовъ хтось за нóги хапає; я біжѹ óсліпъ. Вже одбігъ далéко геть-то, и не знаю, де я. Уперше зъ-ро́ду зъ доро́ги збівся. Ставъ, озирну́вся.... та се жъ я середъ могилóкъ, на цвінтарі коло церкви! Місяць підбівсь угóру, крізь ліпину старій гóнтовий дахъ світомъ своїмъ мерéжить, у вікна б́є; зъ віконъ хтось визирає. Кі́нувся я съ цвінтаря, ажъ хвірткою б́рязнувъ; до Бунякóвого гайка́, до байра́ку, за селó поспішаю: тамъ уже въ мене й я́мка готóва, щобъ свій скарбъ прикопа́ти. Такъ біжѹ, такъ біжѹ! Вже й за селóмъ; гляну — незнако́ма доро́га, та й зо́всімъ нема́ доро́ги, мо́кра ро́сяна трава́ въ мене підъ нога́ми. Озирну́сь навкругі — зновъ я коло церкви! У вікна лю́де якісь мині всміха́ютця. Ті́хо, ті́хо яка́сь пта́шка підъ крі́шею сто́гне, мовъ чия́ душа́ пла́че. А сторожі хропѹть підъ дзві́ницею. На́ що їмъ стерегті́, де самъ Богъ стереже́?... Зновъ я бігти, зновъ я вті́кати; пі́тъ зъ мене такъ и ве́рне; нóги вже підо мно́ю тру́сятця. И такъ я, лю́де до́брі, бігавъ навкругі церкви до са́мого світу. Со́нечко вже по даховóму мо́ху кра́снимъ світомъ грає, череда́ озива́етця; проки́нулись сторожі, дівля́тця — церќва відчи́нена, а я зъ мішкóмъ на плéчахъ по росі́ бігаю, стéжку навкругі церкви ви́бивъ. Узя́ли менé — я й рѹки попусти́въ. Зійшли́ся лю́де, попá поклика́ли. Я й призна́вся, що ота́къ и такъ, панóве грома́до; тепе́рь я въ ва́шій во́лі. Ну, пі́тъ тутъ за́разъ крі́кнувъ на ота́мана, щобъ пода́въ залі́зне пѹто, щобъ менé за́разъ до становóго відвезті́; а старі́ громадські лю́де, пора́дившись міжъ се́бе, ка́жуть: »Що́ жъ намъ, панóтче, за корі́сть, якъ ми се́го чолові́ка запро́теримо туди́, де ко́замъ ро́ги правля́ть? Хиба́ то намъ сла́ва? А лу́чче ми отъ що́ вчині́мо. Ось одчепі́ть, хлопці́, одъ дзвóнівъ ві́ж-жкі́, дамо́ є́му за́разъ прочухáна та накі́немо на є́го бра́тську по-

»күту. Неха́й три ро́ки палама́рюе вѣ церкві, неха́й три ро́ки
 »прыйма́е до се́бе вся́кого подоро́жнёго, стра́ннёго, неха́й дарё́мне
 »вся́кого проча́нина, й захо́жого и прої́ждя́чого, конте́нтуе, и що́бъ
 »ни́хто, по́ки й жи́ве на сві́ті, и́нше ё́го не зва́въ ні на йме́ння,
 »ні на прі́звище, якъ зло́дій.« — Отго́ жъ ме́не ви́били се́редъ гро́-
 ма́ди тими́ ви́жками відъ дзвони́въ, та й пу́стили. Якъ ми́нуло три
 ро́ки мо́єї поку́ти, я й кажу́ грома́ді: »Що́ жъ, па́нове грома́до!
 »уже́ неха́й бу́де ва́ша ла́ска: зоста́вте ме́не, по́ки снаги́ мо́єї, па-
 лама́рюва́ти, та й прої́ждя́чихъ неха́й се́ляне до ме́не відси́лають,
 »щобъ́ уже́ я оди́нь за все се́ло ни́ми турбу́вався.« — Грома́да,
 спа́сибі́ їй, на те зозво́лила. Оце́ жъ я вже охото́ю палама́рюю вѣ
 церкві, стра́ннихъ прыйма́ю, якъ госте́й, и зву́ть ме́не лю́де на все
 се́ло зло́діємъ.»

Сказа́вши, ни́зько намъ обо́мъ уклони́вся, а ми ё́му вклони́лися
 ни́зько.

Отъ вамъ, до́бродію, о́повідь, ко́тору я свої́ми уші́ма чу́въ, и
 чо́ловіка то́го свої́ми очі́ма ба́чивъ. И тепе́рь пої́дете вѣ се́ло Га-
 ківни́цю, то й тепе́рь ще зна́йдете то́й дві́рь на рі́жкѣ коло ца́-
 рини зъ вели́чною вербо́ю, а нави́противъ ти́й верби́ дру́га нахи-
 ли́лась, и вѣ се́ло на́че крі́зь зе́лені́ воро́та в́їдете. Вже́ вмеръ
 ста́рий Дми́тро Гарбу́зь, що́ зва́ли зло́діємъ, а ви́нъ Гарбу́зь изъ ді́да
 й пра́діда. Си́на ё́го не зву́ть злоді́єнкомъ, кри́й Бо́же! Усе́ поважа́-
 ють, бо чо́ловікъ хоро́ший и стра́ннихъ по-ба́тьківські́ залю́бки
 прыйма́е.

Ну, а вѣ васъ, до́бродію, у горо́дахъ, що́ бѣ́ съ тако́го чо́ло-
 ві́ка зроби́ли?

Хуторя́нинъ.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ казка и не казка...
Весною їхала каляска,
Упростяжъ коней шестирня;
Каляска, наче та свиня,
Була забовтана грязею;
Хвалѣтаръ, кучеръ, два лакѣи,
Юхтовий ззаду чамайданъ; —
Зъ вікна дивівсь старенький панъ, —
Людці шапки йому здіймали;
На лісу діти позлізали —
Побачить: що вонó за-бість?...
Проїхало вонó.... а далі —
Якось-то Богъ не перенісъ —
Середъ калюжі коні й стали —
Усі, одразу, якъ одінъ!...
Чому й не стать! — якъ роздивились:
У грязь колѣса заситілись
Троха не більшъ, якъ на аршинъ!...
Тутъ кучеръ заразъ: »Ну, *ребьятка!*
Ну-ну! — *витягувай!!* кричить...
Тоненька пужка, знай, свистить!...
— »Ні, парень! чортowego батька!«
Стоить и думає народъ:
— »Се, бачъ, калюжа—нашъ дохóдъ,
Троха мабуть не цілий годъ....
Тутъ, брате, коні не потягнуть:
Нехай тамъ б́удуть хочъ які —
Чи геноральські, чи царські —
Дé-де,—а тутъ вони постріянуть!...«
А й справді людъ той угадавъ,
По їхньому, бачу, и вийшло:
Хвалѣтаръ мовъ комаръ пищавъ,
Витягувавъ, ажъ тріснувъ діншель;
Той бідний кучеръ ажъ охрипъ —

А все нічого!... Кони — сипъ, —
Та й годі... дергонуть — и стануть...
Упріли такъ, що жалко й глянуть!
Досталось біднимъ лошакамъ!...
До-віку бъ кучеръ мордувався,
Колибъ до насъ не обізвався
Изъ прозьбою паніюга самъ:
— »А чи не можна, добрі люде,
Зарятувать? одъ мене буде
Карбіванецъ, чи й більше вамъ...«
— Чому не можна? За волами,
Якъ що такé, то и піті,
А конинятокъ одпрятті,
То й витягнемъ... Ходімъ, Овrame!... —
И привелі, и запрягли;
Зъ каляски челядь постягали, —
Тому мизерству показали,
Що коні, бачте, не волі —
Середъ Юрківської калюжі:
Бо кінь який не буде дужий,
Та, бачъ, гарячий: стрибъ да сипъ,
Кипить, мовъ у горшку окріпъ
И сілу даромъ потрачае...
Святéе діло — віль: ступае
Повагомъ, сти́ха римига —
А вітаска вагу зъ багнюки...

Ся вірша вамъ за-длі науки —
Не вамъ, старі, а вамъ, онуки!...

Иванъ Затиркевичъ.